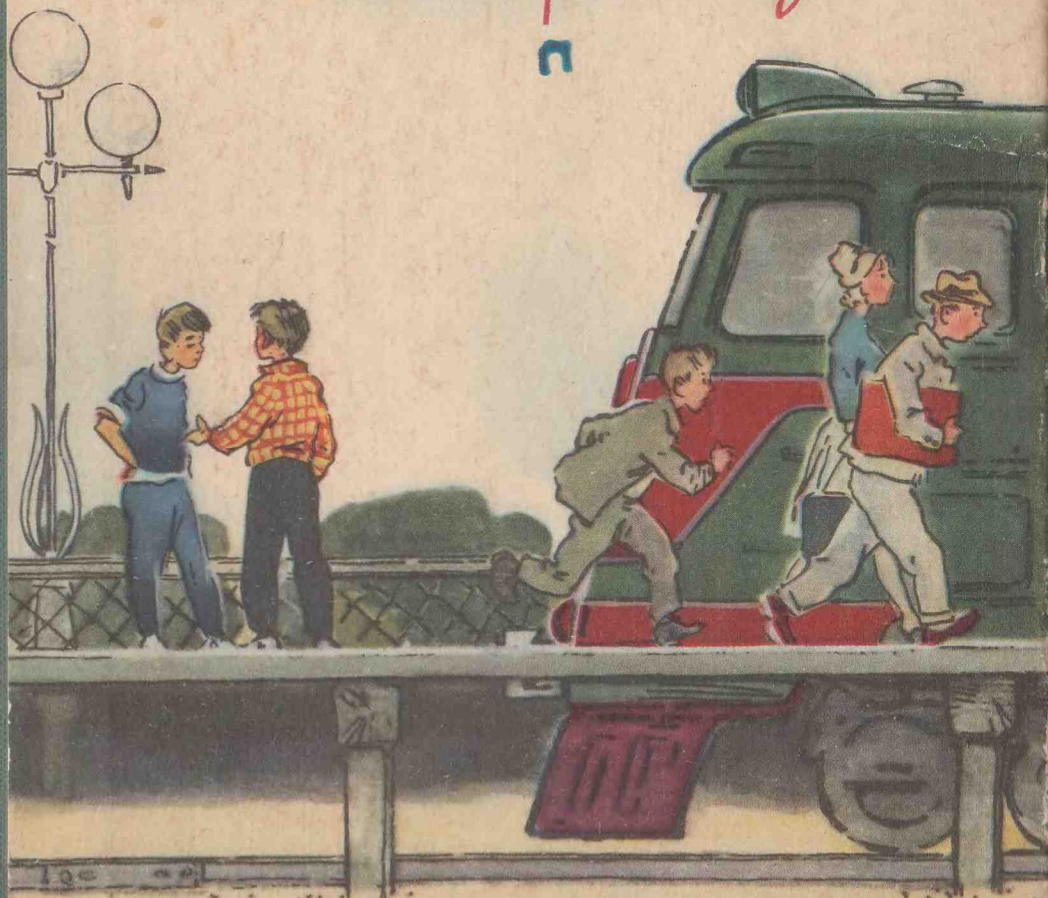

Юз. Алешковский

Два билета
НА
электричку

п

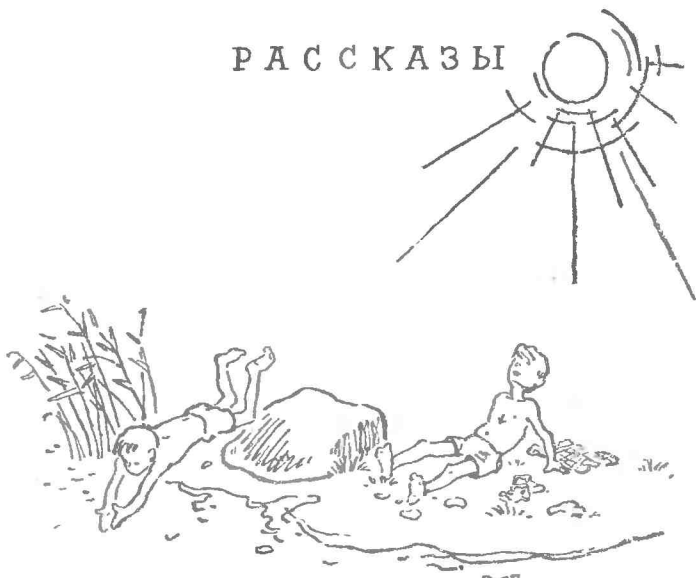

Издательство "Детская литература"

Юз. Алешковский

Два билета
НА
электричку

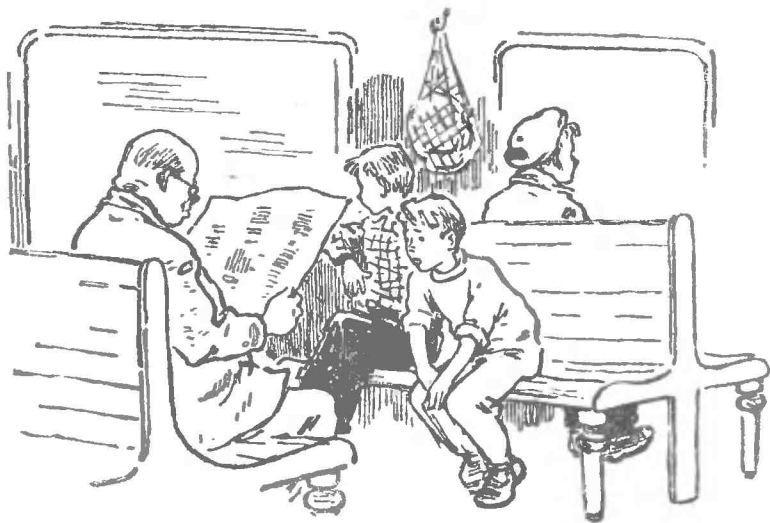
РАССКАЗЫ

Рисунки В. Куприянова

Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1964

Что случилось с Вовкой Рыжиковым, когда он задумал совершить научное открытие и подготовил помочь ему в этом свою одноклассницу Лену? В какую историю попал Вова, поехав без билета на электричке вместе со своим предприимчивым другом Петькой? Как Петька был тайным корреспондентом и что из этого вышло? Прочитав книжку, вы узнаете и о других приключениях Вовки Рыжикова и его друзей, обыкновенных мальчишек и девочек, в жизни которых каждый день случается что-нибудь необыкновенное.

Два билета на электричку

Из-за дождей я и Петька целую неделю не могли съездить на озеро. Но вчера утром он разбудил меня и крикнул:

— Едем! Погода!!

Я быстро оделся, положил бутерброды в Петькин нейлоновый пакет, и мы выбежали на улицу. До вокзала мы шли босиком по теплым лужам, и последние пузыри, отражая нас, удивленно тарасились.

Около пригородных касс я неуверенно сказал Петьке:

— Может, возьмем билеты?

Он посмотрел на меня так, что я стал переминыться с ноги на ногу, как будто стоял перед учителем. Я даже разозлился на себя. Чего я трушу? Одни мы, что ли, поедem без билетов?

Конечно, я немного трусил, но, главное, я помнил, как мой

отец сказал мне: «Это — мелкое воровство!» Совсем недавно я ехал в троллейбусе без билета и попался. Контролер из детской комнаты милиции позвонил отцу. Я пришел домой, и он сказал: «Это — мелкое воровство!»

Петька добродушно похлопал меня по спине:

— Ладно. Все равно вагоны сейчас полупустые. А если хочешь, купи себе один билет, — добавил он ехидно.

Я уныло подумал, что один билет я, конечно, не куплю. Я не успел понять почему, но почувствовал, что сделать это невозможно.

Однако хитрющий Петька догадался, что я борюсь с самим собой, и сказал:

— На озере купим крем-соды. Ты любишь крем-соду?

У меня даже защекотало в горле: так я люблю эту шипучую воду.

— Главное, не трусь. У меня есть система. Ты читал про рыбку-лоцмана, которая перед акулой плавает?

— Ну, читал...

— Вот мы и пойдем себе лоцмана. То есть «зайца». И будем за ним следить. Как только покажется контролер, лоцман побежит в другой вагон — и мы за ним. Только солидно, по-акульи, понял?

Мы уже подходили к платформам, но я рассмеялся, до того неожиданной и забавной показалась мне Петькина «система».

Когда мы подошли к электричке, я заволновался и пугливо посмотрел по сторонам. Петька сказал:

— Чего ты вертишься? Иди спокойно, как будто у тебя сезонка.

Мы проходили мимо новеньких зеленых вагонов. Я с тоскливой завистью заглядывал в окна. Пассажиры читали, ели мороженое, обмахивались платками, откинувшись на спинки сидений, и просто разговаривали друг с другом. А какой-то толстый гражданин, высунув в окно синеватую бритую голо-

ву, блаженно и часто дышал. Он взглянул на меня и почему-то улыбнулся, словно говорил:

«Вот я какой счастливый! Билет я взял! Не простой билет, а туда и обратно. Уф! Уф!»

Петька все время молчал. Я со злостью сказал ему:

— Нечего выбирать вагон. Теперь все равно. Пошли в этот.

Петька остановился и проямлял:

— Может, возьмем?.. А?

На лице его уже не было выражения храбрости и презрения. Оно стало беспомощным и очень честным. Но тут я не удержался. Я захохотал, я заплясал на платформе и сказал сквозь зубы:

— О! Теперь-то мы не возьмем. Я тебе покажу акул и лонманов. Пошли!

Я прыгнул на площадку и вдруг на полу прямо перед собой увидел два желтых билета с большими черными цифрами «5».

Они лежали рядышком и были такими ровными, ни капельки не смятыми и чистыми, что я мгновенно сообразил: сегодняшние! Действительные!

Петька сказал шепотом: «Ура, ура!» — и сразу же вбежал в вагон и занял место у окна.

Я поднес оба билета к глазам. Маленькие дырочки проколов стали голубыми на фоне неба. Они обозначали дату выдачи билетов.

«Сегодняшние! Действительные!» — радостно сказал я про себя и тоже зашел в вагон. Но как только я взглянул на пассажиров, сердце у меня екнуло. Я покраснел и остановился в проходе.

Я подумал: «Надо было перейти в другой вагон. Ведь люди, потерявшие билеты, едут в этом вагоне. Может быть, вои те девушки с книжками? Или устало вздремнувшие парни? А может, высокий строгий старик и бабушка в темных очках? Или двое военных? Кто же? Ведь наверняка люди, потерявшие билеты, едут в этом вагоне».

Я взглянул на Петьку. Удобно устроившись, он уже не обращал на меня внимания. В ту минуту я ненавидел Петьку за все его плутовские системы. Только назло ему, хотя мне очень не хотелось этого делать, я крикнул на весь вагон:

— Кто потерял два билета?

Дремавшие парни вздрогнули и полезли в карманы. Ничего не сказав, они снова задремали. Одна из девушек встряхнула книжку над скамейкой и облегченно вздохнула. Бабушка в темных очках что-то сказала строгому старику. Он презрительно улыбнулся и закрыл глаза. Наверно, это означало, что он не допускает даже мысли о потере билета. А Петька, схватившись за голову, раскачивался из стороны в сторону. Я понял, что он проклинает меня.

Какая-то тетенька загремела бидонами. Потом она сказала:

— Никто не потерял. Старые небось. Садись, сынок.

У меня отлегло от сердца. Я сел напротив Петьки. Он со злостью вырвал у меня билеты и положил их в карман. Лицо его снова стало храбрым. Он развернул нейлоновый пакет и сказал:

— Люблю есть в поезде! Ничего не может быть вкуснее! Ты будешь?

Я сказал:

— Не буду. Ты тоже не будешь, — и положил пакет на дюралевую полочку. — Съедем на озере.

Петька посмотрел на военных, сидевших невдалеке, и не стал спорить. А мне вообще не хотелось разговаривать.

Я и не заметил, как тронулась электричка. Она шла тихо, почти неслышно, и слегка покачивалась, как будто разминалась.

За окном мелькнули дом путевых обходчиков, дрезина и товарные составы. А фонари стрелок казались мне квадратными ромашками с желтым кружком посерединке. Они росли, как на лугу, на привокзальных путях.

Мы ехали в моторном вагоне. Моторы ровно жужжали: ууу, как будто электричка говорила: «Ууух! Как здорово!» И правда, это было здорово — чувствовать на плечах скорость разгона. На секунду я даже зажмурился от удовольствия.

Земля за окном завертелась, и вдали белые дома заводского поселка казались макетиками на зеленой подставке, совсем как на строительной выставке. А когда мы проезжали мимо ТЭЦ, две огромные трубы косо откинулись, словно падали против хода электрички.

Вдруг Петька ударил меня по коленке:

— Смотри!.. Вон лоцман... В тамбуре...

Я сел рядом с Петькой. В тамбуре стоял наголо остриженный парень в форме ремесленника. Фуражку он держал в руках и курил, внимательно всматриваясь в проход следующего вагона.

Петька заерзал на сиденье.

— Смотри, как он волнуется! Точно, без билета. Трус несчастный... Но это лоцман! Такого лоцмана не каждая акула имеет. Лоцман первый сорт! Если пойдут контролеры, он бросится в другой вагон. И мы за ним.

Я удивленно сказал:

— У нас же есть билеты.

Петька перешел на свой любимый заговорщицкий шепот:

— Я докажу, что с лоцманом можно проехать без билета. Пусть будет по-настоящему. Все надо проверять на практике. Правда?

Я уныло кивнул, хотя чувствовал, что Петька совсем неправ. Только для того чтобы доказать ему это, у меня, как всегда, не хватило времени.

Ремесленник заметил, что мы за ним следим, и заволновался пуще прежнего. Он то и дело оборачивался, часто затягивался сигареткой и метался по тамбуру, как загнанный заяц. Вдруг он застыл на месте, низко пригнул голову, словно ре-

шил отчаянно защищаться, и с вытаращенными от страха глазами, тяжело дыша, бросился бежать через наш вагон.

Петька схватил меня за руку. Я хотел вырваться и сказать, что у нас есть билеты, но он тянул меня, цепкий, сильный, и я побежал сам, потому что пассажиры уже подозрительно поглядывали на нас. На ходу Петька сказал:

— Лоцман первый сорт.

Мы следом за лоцманом вбежали в соседний вагон. Лоцман неожиданно сел на скамейку, а я и Петька лицом к лицу столкнулись с высоким пожилым контролером в синем кителе. Ремесленник покраснел, надулся, схватился за живот и, показывая на нас пальцем, противно захохотал: «Гы-ы!» Потом он достал из кармана сезонку и снова захохотал, растягивая рот до ушей.

Старушка, похожая на учительницу, сказала:

— Дурацкий смех!

Ремесленник замолчал, а мы с Петькой тупо смотрели друг на друга и не могли сдвинуться с места.

Все же я, не глядя на контролера, сел на скамейку напротив того самого толстяка, который блаженно дышал, высунувшись из окна, когда мы шли по платформе. Он читал газету. Я пригнулся и стал рассматривать карикатуру на последней странице, хотя меня так и подмывало броситься на Петьку, схватить его за грудки, потрясти и спросить:

«Почему ты вечно втягиваешь меня в приключения? Почему все твои «системы» действуют наоборот? Почему? Отвечай!»

Петька присел рядом. Я бы не удержался, если бы взглянул на него. Я прочел фразу над карикатурой: «Премьер-министр Японии Киси предает интересы своего народа» — и, чтобы отвлечься, подумал: «Слово «премьер-министр» надо было поставить в кавычки. Потому что какой же он премьер-министр, если предает интересы своего народа?..»

Потом я спросил Петьку:

Ремесленник достал из кармана сезонку и снова захохотал.

— Ну что, лоцман показал контролеру билет?

Петька сказал:

— Угу... смотри... там заваруха...

Налево от нас розовощекий старичок в белом костюме и в панаме что-то объяснял контролеру. Контролер пожимал плечами. Старичок громко, очень вежливо и твердо сказал:

— Я кристаллически честный человек. Я видел, как Толя подошел к кассе и взял билеты. Он положил их в карман. Поверьте мне. Я кристаллически честный человек. Толя, поищи еще раз.

Контролер спросил худощавого тонкогубого мальчика:

— Может, выронили, когда доставали платок?

Мальчик заныл: «Да-а-а» — и разревелся.

Старичок сказал:

— Безусловно, я заплачу штраф. Но дело не в этом. — Голос его задрожал, когда он обратился ко всем пассажирам. — Я кристаллически честный человек!

Я подумал: «Как это кристаллически?» А мальчик заревел еще громче. В этот момент Петька вскочил с места, подбежал к старичку и сказал:

— Вот ваши билеты! Мы нашли их на площадке.

Контролер добродушно усмехнулся.

— Не верите? — продолжал Петька, сделав героическое лицо. — Честное пионерское, мы нашли их! Честное пионерское!

Контролер взял билеты, внимательно проверил их и снова усмехнулся, посмотрев на Петьку. Потом спросил старичка:

— До какой станции едете?

— До Покровской, — ответил старичок.

Контролер еще раз усмехнулся, сказал: «Так, так» — и взъерошил Петькин рыжий чуб. А старичок пожал его руку.

— Я очень благодарен. Очень! Вы кристаллически честный человек.

Я не мог при этом не улыбнуться и злиться на Петьку поч-

ти перестал. Все же он хороший парень! Петька кивнул в мою сторону. Старичок подошел ко мне и тоже сказал дрожащим голосом:

— Большое спасибо. Вы кристаллически честный человек.

Лицо у старичка было розовое и доброе, а глаза голубые-голубые, и мне стало обидно, что на самом деле я не кристаллически честный человек.

Старичок подошел к переставшему реветь мальчику:

— Толя, ты растяпа. Встань и скажи спасибо этим ребятам.

Толя не встал, но сказал злым и кислым голосом:

— Спасибо.

А ремесленник притворился спящим.

Петька стоял рядом с контролером. Контролер подозвал меня. Я подошел, и он спросил:

— А ваши билеты?

— Мы... Мы сначала хотели взять, но... — пробормотал я потупившись.

— Идите за мной.

Стараясь не смотреть на пассажиров, мы шли за контролером через весь состав в головной вагон.

Петька шепнул мне:

— Неужели не простит? Мы же поступок совершили. Благодарный же поступок... А?

Я молча показал Петьке кулак.

Мы зашли в головной вагон. Контролер открыл дверь служебного помещения, и я как вкопанный стал на пороге.

Прямо на нас неслись две сверкающие полосы рельсов. Черные шпалы друг за дружкой летели под электричку. Я подбежал к окну рядом с кабиной машиниста, и мне показалось, что это край пропасти, что электричка стоит на месте, а полосатые столбики, деревья по обеим сторонам пути, железные фермы светофоров, и рельсы, и шпалы мчатся с огромной скоростью нам навстречу.

Мы с Петькой прильнули к стеклу, совсем забыв о билетах и о молчаливом контролере. Потом контролер незаметно подошел сзади и шутливо столкнул наши затылки. Мы обернулись.

Он сказал:

— Значит, вы действительно безбилетники? Зайчики, значит? А я думал: вот это ребята! Свои билеты отдали, выручили старичка.

Петька шмыгнул носом. Контролер улыбался. Я сообразил: «Наверно, набрал много штрафов. Поэтому и рад...»

Контролер сказал:

— А вы знаете, что, кроме вас и старичка с этим плаксой, в поезде больше нет безбилетников?

— Как — старичка?! — спросили мы в один голос.

— А вот так. У них не было билетов. Плакса не растяпа. Он простой обманщик. Подошел к кассе и сделал вид, что берет билеты. Деньги проест на мороженое.

— Вот это да! — восхищенно сказал Петька, увидев в этом основные черты новой «системы». Правда, он тут же добавил: — Вот это негодяй! Но как же вы узнали?

— Проверил билеты в остальных вагонах. У одного парня с девушкой их не оказалось. Дали мне честное слово, что потеряли. Едут они до Грибной. Это в пятой зоне. Старичок едет до Покровской. Это в третьей. Дело в том, что билеты, которые вы нашли...

— Пятая зона там была! — перебил я контролера.

— Вот-вот. Такие-то дела. Вы на озеро? — спросил контролер.

— Ага... купаться, — ответил Петька.

— Вам сходить на следующей. Поедете обратно — садитесь на поезд шестнадцать сорок четыре. В первый вагон. Тогда-то мы и поговорим о «зайчиках».

Я подумал: «Сейчас он скажет: «Мелкое воровство». Контролер этого не сказал. Может быть, он понял, что нам и так очень стыдно.

Мы с Петькой не оправдывались. Мы стояли и молчали, пока электричка не остановилась. Когда мы вышли, контролер сказал:

— А плакса-то каков? Старичка не хочется расстраивать. Пока, ребята. Помните, шестнадцать сорок четыре!

Электричка тронулась. Я крикнул:

— Спасибо!

Мы с Петькой ждали, когда мимо нас пройдет вагон, в котором ехал старичок с хитрым мальчишкой. Мальчишка стоял у окошка и ел мороженое. Он позеленел от злости, показал язык с прилипшей к нему вафлей и держал его высунутым, пока вагон шел вдоль платформы.

Петька хотел плюнуть в окно, но удержался. Ремесленник, увидев нас, сделал рожки. Мы ему тоже.

— Мы бы справились с ним вдвоем? — спросил Петька.

— Котлету сделал бы! — сказал я мрачно.

Вдруг Петька схватился за голову, закачался и заныл:

— Ты забыл бутерброды с котлетами, с сыром, с колбасой. О-о!

Я действительно забыл бутерброды на полке, когда мы побежали в другой вагон. Петька чуть не плакал:

— Когда приезжаю за город, сразу хочу есть...

Я сказал:

— Это от воздуха. Сам во всем виноват. Перетерпишь. — Мне его стало жалко. — Купишь булку вместо крем-соды. А когда приедем на вокзал, диктор объявит по селектору: «Копенкин Петр. Зайдите в кабинет начальника вокзала. Вас ожидают потерянные бутерброды с котлетами, сыром и колбасой. Их нашел кристаллически честный человек».

Петька проглотил слюнки.

Мы посмотрели в сторону озера. Над полем и березовой рощицей курилась синяя жаркая дымка, а над озером не курилась, потому что в нем было много ключей и даже июльское солнце как следует не согревало чистую озерную воду. И как

только мы подумали о ней, нам стало жарко. Захотелось окунуться и плыть под водой, а потом вынырнуть, лечь на спину и долго смотреть на синее низкое небо. Петька сказал:

— Бежим. Ты прав. Я куплю булку, Даже две. А ты крем-соду.

Я вспомнил контролера, мне снова стало не по себе. И тут я решил проучить Петьку.

— Никакой крем-соды с булками. Деньги нужны на обратные билеты. Хватит с меня.

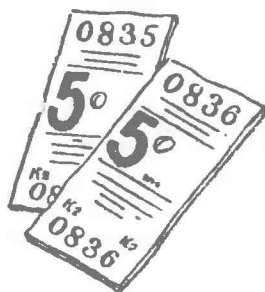
— Ну-у, — заныл Петька. — Мы же сэкономили.

Я был тверд. Ничего не выйдет. У нас есть шестьдесят копеек. На билеты нужно тридцать, на троллейбус — восемь. Остается двадцать две. Купим по бутерброду с чистой газировкой.

— Может, все-таки проедем обратные билеты? — уговаривал меня Петька. — Мы же поступок совершили...

Я упрямо замотал головой, а Петька вздохнул. Он понял, что на этот раз меня не переспоришь.

И мы наперегонки побежали к озеру.

Научное открытие

В воскресенье мой отец купил книжку «Внушение на расстоянии». Он читал ее весь день, то и дело говорил: «Странно... странно...» — и на все мои вопросы отвечал: «Отстань... возьми за уроки...»

Тогда я попросил его помочь мне решить задачу. Он понял, что просто так от меня не отвяжется, и рассказал, как на американской подводной лодке один человек почти без ошибок делал рисунки, которые ему диктовали через воду и на большом расстоянии другие люди. Еще он рассказал про опыты нашего профессора. Профессор, сидя в изолированной будке, тоже на расстоянии усыплял, а потом успешно будил девушку.

— В общем, — сказал мой отец, — ученые сейчас спорят и продолжают делать опыты. А ты решай задачку.

Но я уже не мог успокоиться. Я сразу размечтался, как я

проведу серию опытов и совершу научное открытие. Открою какой-нибудь закон. Закон имени Вовки Рыжикова! Главное, меня очень обрадовало, что для опытов передачи мыслей на расстояние не нужно ни проволоки, ни стеклянных трубочек, ни разных прожигающих брюки жидкостей. Я сказал:

— Пап! Пойду к Ленче. Проверю задачку. Все равно в учебнике нет ответа.

Мой отец только махнул рукой, и я пошел к Ленче. Так звали мою одноклассницу и соседку по подъезду Лену Котепкову. В третьей четверти ей не повезло. Она увлекалась книжками и нахватала плохих отметок по всем предметам.

Дверь мне открыла Ленчина мама. Я прошел в маленькую Ленчину комнату и нарочно громко сказал:

— Давай решать задачку!

Ленчина мама вздохнула за дверью.

— Давай! — тоже нарочно громко сказала Ленча. Она поняла, что я пришел с чем-то интересным.

Под шелест тетрадей и учебников я шепотом рассказал ей все, что услышал от отца о передаче мыслей на расстоянии.

— Это все неправда, — сказала Ленча, — как о снежном человеке. Говорили... говорили...

— Нет, правда! Надо нам сделать опыт и не один, а штук десять и все проверить! Представляешь, что тогда будет?.. Один пешеход А вышел из пункта Б... (Это на цыпочках вошла Ленчина мама, улыбнулась, взяла кофточку и ушла.) Знаешь, что будет? Все по-другому! — Я собрал в кулак весь свой ум, чтобы сразу поразить Ленчу сильным примером. — Вот смотри. Сидим мы и решаем задачку, а ответа в учебнике нет. Что делать?

— Позвонить любому отличнику, — сказала Ленча.

— Не надо нам звонить и попрошайничать. Мы лучше пойдем к окошку и скажем про себя: «Эй... товарищ Сырнева, вы почему ответа не дали на задачку? Жалко стало? Говорите нам ответ! Говорите! Говорите!» А она вдруг за письменным

столом спохватится: «Ай-я-яй! Ответ и не дала на 235 задачку». И подумает: «А и Б встретятся через 8 часов». А ее мысль перелетит к нам вместе с ответом.

Вдруг я замолчал и замер. Мне показалось, что кто-то в моей голове говорит: «Через 8 часов... 8 часов... 8 часов».

Я, заикаясь, спросил Ленчу:

— У тебя какой ответ?

— А увидит Б через 1467 часов.

Я бросился за стол:

— Так долго они не могли ходить. У меня через 29 часов.

Мы заново решили задачку и остолбенело уставились на цифру ответа 8, которую я вывел дрожащей рукой.

Ленча побежала звонить, а я просунул голову в форточку, чтобы немного остыть.

— Ой! Вовка! — крикнула Ленча в коридоре и повесила трубку.

Я взял себя в руки и встретил ее спокойно.

— Ну что! А ты — «снежный человек... говорили... говорили...» Будешь делать опыты?

— А уроки? — сказала Ленча. — Завтра география, русский, история. У меня по ним двойки! Я же две недели собрание сочинений Чехова читала. Ну и... вот.

— Ха! — Меня осенило. — Самый опыт! Ты и не учи уроков. Совсем. А завтра, только начнется урок, поднимай руку. Они же любят, когда мы сами вызываемся. Только не бойся. Выходи к доске и смотри на меня. Я сегодня все выучу наизубок, отцовскую книжку почитаю и передам тебе на расстоянии домашние уроки.

— А вдруг?

— Ты же видела! — Я сжал Ленчину руку. — Ничего не учи. Посмотришь, пятерка будет.

Но Ленча продолжала сомневаться:

— Давай лучше ты сначала ничего не выучишь...

— Кто сильнее? Я? Я! Вдруг у тебя силы не хватит пере-

слать мысль от парты до доски. И потом, тебе же лучше. Не будешь сегодня учить уроки и пятерку получишь.

— Ну ладно, — сказала Ленча и вздохнула. — Так и так ничего не успею выучить.

Я обрадовался, что мы успели договориться, потому что за мной пришла моя мама. Она погладила меня по голове и сказала:

— Кажется, мой взялся за ум. Я им довольна вот уже двадцать пять дней.

— А моя невыносима, — страдала Ленчина мама. — Ее вызывают отвечать, а она молчит. Недавно мне стало ясно почему. Вместо занятий Лена буквально глотает книгу за книгой. Я была вынуждена вынести из дома всю художественную литературу. И не верну, пока не исправит отметки. Пусть ваш Вовочка почаще заходит. Он так хорошо влияет на Лену. А ты... — Ленчина мама чуть не заплакала, — если бы ты у доски хоть на секунду вспомнила о своей маме!..

Мне это надоело. Я заторопился и напоследок твердо прокричал Ленчу взглядом: «Не учи уроки!» Ленча молча кивнула.

Дома за обедом я рассказал моему отцу, как мне и Ленче удалось получить правильный ответ на расстоянии. Мой отец буркнул, не отрываясь от книжки:

— Случайное совпадение.

Спорить с ним было бесполезно. Вместо того чтобы пойти к Петьке, я засел за уроки, выучил их как следует, а вечером, когда мой отец уснул, взял у него книжку «Внушение на расстоянии» и читал ее под одеялом, пока не разрядилась батарейка ручного фонарика...

Утром по дороге в школу я сказал Ленче:

— Только не бойся. После опытов будет легче. Домашние уроки начнем учить через день. День — ты, день — я. Времени свободного — во! Отметки — во! Между прочим, сегодня я называюсь телепат, а ты еще как-то. Завтра поменяемся...

Мы уже подходили к школе. Я постарался создать в себе большой заряд воли и напряжения, как ученые в книжке моего отца.

На первом уроке у нас была география. Пока Матвей Иванович отмечал присутствующих, я написал на новой общей тетради «Дневник опытов» и посмотрел на Ленчу. Она трусила, но подняла руку. Матвей Иванович удивился:

— Котенкова? Отвечать? Приятное событие. Прошу.

Ленча вышла к доске. Я, волнуясь, сказал про себя: «Начали!» — и стал про себя же рассказывать урок географии. При этом я глаз не сводил с Ленчи. Она все повторяла за мной почти слово в слово и вслепую не тыкала в карту указкой. Матвей Иванович прямо расцвел.

Я не выдержал и крикнул:

— Ура-а!

Матвей Иванович сказал:

— Рыжиков, дневник. Котенкова, пятерка. Больше не читай на уроках. — Он отдал Ленче «Трех мушкетеров», а в моем дневнике написал: «Крикнул «ура».

Я ни капли не обиделся, потому что мне хотелось заплясать на парте от удачи. Я записал в «Дневник опытов»:

Вышла. Ответила. Пятерка. Расстояние четыре шага.

На русском я решил усложнить опыт и, когда Ленча сама вызвалась отвечать, заизолировался от нее учебниками. Игорь Павлович задал вопрос по грамматике. Я сразу про себя ответил, Ленча без запинки повторила. Тогда я пригнулся, поставил перед головой два портфеля, свой и Петькин, и послал Ленче ответы на несколько вопросов Игоря Павловича. Мне было жарко, и заболела шея. Наконец он сказал:

— Видишь, Лена, все очень просто.

И опять я не выдержал и рассмеялся от радости.

— А за тобой, Рыжиков, я давно и терпеливо наблюдаю. Положи портфели на место, — сказал Игорь Павлович.

Я покраснел, но зато записал в «Дневнике опытов»:

*Русский. Вышла. Уроки прошли через два портфеля.
Кожаный и дерматин.*

На переменке я пожал Ленче руку.

— Только тс-с!

Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее. Ведь любой мальчишка струсил бы на ее месте. И я сказал:

— У старших классов есть какой-то закон Джоуля и Ленча. Я тебя возьму в свой закон. Рыжикова — Котенковой он будет. Продержись еще на истории.

На истории Вера Адамовна сама вызвала Ленчу. Я с «Дневником опытов» залез под парту и стал оттуда пересылать Ленче все, что выучил дома. Она отвечала не совсем уверенно, но и не запутывалась в датах.

— Рыжиков, вылез из-под парты!

Я засунул «Дневник опытов» за пазуху и вылез.

— Что ты там делал?

Я хотел промолчать, но почему-то гордо заявил:

— Научное открытие!

Все, кроме Веры Адамовны, засмеялись.

— Дай дневник. Продолжай, Котенкова.

Я положил дневник на стол и, когда Вера Адамовна отвернулась, снова залез под парту.

Вдруг Ленча замолчала. Я продолжал передавать, а Ленча все молчала. Тогда я снова вылез, и Ленча заговорила. Я вздохнул с облегчением. Ей поставили четверку, а мне в дневник записали: «Вел себя вызывающе. Сидел под партией». Но я подумал, что на Галилея тоже гонения были, и успокоился. Я даже решил, что раз опыты удались, можно рассказать о них Петьке и на что-нибудь поспорить. Петька, конечно, не поверил, и мы поспорили. Я на его японский значок, а он на мои бамбуковые палки.

После уроков на школьном дворе я спросил Ленчу:

— Ты почему замолчала? Все могло рухнуть.

Ленча была веселой-веселой. Она сказала:

— Я на секунду вспомнила у доски о своей маме. Помнишь, она просила?

Я стал ругать Ленчу и занес в «Дневник опытов»:

Молчала, потому что на секунду вспомнила у доски о своей маме. Чуть все не испортила.

Ленча нагнулась и стала гладить нянечкину кошку. Я подкинул портфель в воздух, крикнул Ленче:

— Завтра я! Учи ботанику с французским! — и побежал на стадион, где уже тренировалось «Торпедо»...

На следующий день, когда начался урок французского, я даже не волновался. Меня вызвали третьим читать наизусть стихотворение.

Я выставил вперед левую ногу, откинул в сторону руку, выпятил грудь и раскрыл рот, как Пушкин в лицее перед Державиным, но ни одной строчки в моей голове не появилось, хотя Ленча смотрела на меня так, как я ее учил, — в упор и даже слегка шевелила губами. Я стоял в торжественной позе под смех всего класса, пока Нелли Петровна не сказала:

— Садись, двойка.

Я сидел, ничего не понимая. Всю перемену кричал на Ленчу и велел ей сократить расстояние. Она пересела на первую парту и испуганно сказала:

— Это... как снежный человек... Говорила?..

На ботанике я мучительно искал ошибку в опыте и подумал, что, если Ленче не хватает напряжения ума, значит, надо его усилить у себя. Я обрадовался, вспомнив заметку в «Технике — молодежи». Там говорилось про то, что в наших мозгах иногда водятся биотоки.

На подоконнике рядом со мной стоял аквариум. За ним горела лампа, согревавшая рыбок.

Я вывернул лампу, помочил палец в воде, зажмурился и всунул его в патрон. Меня трясануло так, что я чуть не вылетел из-за парты.

— Вот ты чем на уроках занимаешься, Рыжиков! Сейчас же иди отвечать!

Набравшись тока, я смело вышел к доске. Ленча усиленно зашевелила губами. Я молчал, уставившись на нее, и наконец уныло сказал:

— Мичурии...

— Ну, ну, продолжай... Положи лампу на стол.

— Мичурин... он... — В голове моей опять-таки не появилось ни одной мысли даже на тройку. — Он... сначала родился... в Мичуринске...

— Допустим. Дальше.

Я вроде Ленчи вспомнил на секунду моего отца и маму, но и это не помогло.

— Он очень любил яблоки и многие другие фрукты и овощи... Он потом захотел помочь...

— Кому?

— Народу, конечно. — Я разозлился и выпалил: — Кандиль с китайкой он скрещивал... Сам товарищ Калинин за опыты орден Ленина ему вручил. За научные открытия тоже.

Ленча схватилась за голову.

— Садись. Очень плохо. Это неудивительно при такой дисциплине.

Я пошел на место, согнувшись от горя. За два дня нахватал замечаний и двоек, проиграл Петьке бамбуковые палки, а опыт не вышел.

Я с надеждой написал Ленче записку.

«Может, ты все выучила тогда? Вова». Ленча ответила мне на синей промокашке:

«Я на всякий случай выучила. Лена».

Я, выходя из себя от ярости, написал:

«Марковь пареная!!! Что же ты не сказала!!!»

Ленча ответила:

«Не марковь, а морковь. Ты и не спрашивал».

А после уроков ко мне пристал Петька:

— Пошли к тебе. Я заберу палки. Отдашь?

Мне, конечно, было жалко их отдавать. Я сказал:

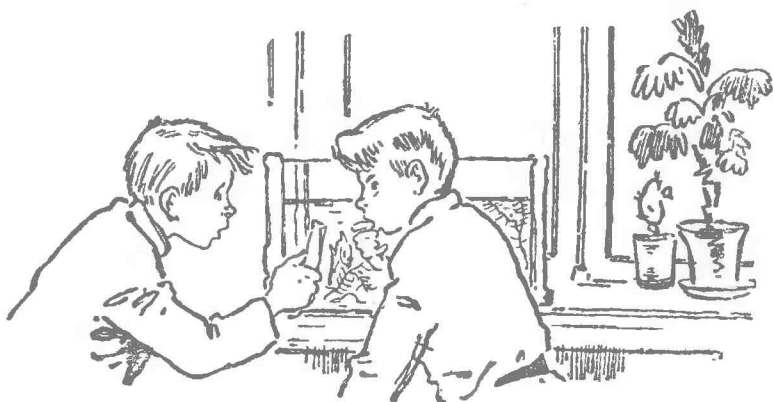
— Отдам. Только, чур, уговор. Если ученые докажут, что мысли все-таки передаются, ты мне вернешь палки. Идет?

— Идет! И значок японский в придачу, — на радостях пообещал Петька.

— Ну пошли!

— Пошли, пошли, — сказал я. И подумал: «А что дома бу-у-дет?..»

Петька — тайный корреспондент

Вчера перед самым концом сбора наш вожатый Слава сказал:

— Так вот: и вам и мне надоело занимать третье место по сбору металлолома. Надо сделать рывок и выйти на первое. Летний автопоход по области — не шуточная премия. Очень не шуточная. Ну как, даем рывок?

— Даем! — закричали мы хором.

Когда ребята выбежали из-за парт, Петька дал мне знак остаться в классе. Мы с ним подошли к аквариуму и сделали вид, что наблюдаем за самкой меченосца. Ребята в стороне обсуждали план победного наступления на новые земли, богатые металлоломом. Тогда, прильнув кончиком носа к зеленому стеклу аквариума, Петька прошептал:

— С их планом никогда нам не победить и ни в какой автопоход не пойти. Понял?

— Ага... — сказал я, смотря прямо в глаза самке меченосца. — Ты что-нибудь придумал? — Я догадался, что Петька неспроста отозвал меня в сторону.

— Придумал... Такое! Теперь не то что наш класс, а вся школа завоюет первую премию. Тс-с!

— Что придумал? Говори же! — У меня даже зубы заныли от любопытства.

— Смотри!

Петька расстегнул китель, распорол зубами зашитый кармашек, вытащил из него белую бумагу, развернул ее, поднес к самому моему носу и убрал обратно. Я только успел заметить фамилию Петьки и что на бумаге, перед орденом, большими красными буквами написано: «Пионерская правда».

— Понял? — спросил Петька, и я кивнул головой, что понял, хотя на самом деле ничего не понимал. — С этой бумагой мы завтра пойдем на завод как корреспонденты. Я через забор видел там столько лома, что о-ле-ле!

Я от удивления стоял перед аквариумом с открытым ртом, как будто передразнивал золотую рыбку, потом вслух подумал:

— А почему тогда я твоих статей не читал в «Пионерке» и почему нам лом отдадут на заводе?

— Я тайный корреспондент. У нас все зашифровано, — сказал Петька. — Клянись — не проболтаешься!

Я презрительно посмотрел на Петьку.

— Ладно. Не обижайся. Сейчас некогда. Я к тетке еду. Завтра после уроков встретимся у булочной. Все расскажу. Только — тс-с! И насчет лома узнаешь...

Мы подкинули рыбкам корму и вышли из класса.

На следующий день на уроках и переменах мне не терпелось узнать у Петьки, что он за тайный корреспондент и какой его план поможет нашему классу завоевать первое место по сбору металлолома. Петька только говорил с секретным видом:

— Тс-с! У булочной... Занеси домой портфель и приходи.

После уроков я так и сделал. Петька ждал меня у булочной. Он дал мне пирожок с повидлом и сказал:

— Ты, как я, перехитри пирожок. Сначала съешь тесто, а потом повидло. Кажется, что его много-много.

Я разозлился:

— Что ты мне «пирожок». Давай рассказывай!

— Тс-с. Так вот: я тайный корреспондент. У нас все зашифровано. Читал на днях в «Пионерке» вопрос? Большие такие зеленые буквы: «Что ты сделал для украшения родного города?» Читал?

— Чи... читал...

— Так вот. Это они меня спрашивают!

— Не мо-о-жет быть!

— И я отвечаю, что сделал я или что сделали другие. Помнишь, две недели назад был вопрос... большие такие синие буквы: «О чем ты мечтаешь?» Тоже я отвечал. А ты и не подумал, наверно.

— Здорово! А мне и в голову не пришло... Но где же все-таки статьи?

— Тс-с. Я все в стихах описываю. Скоро считаешь.

Я задумался.

— А как же нам лом отдадут?

— Бумагу мою видел? Видел. Я корреспондент, а нас берут директора, у которых что-нибудь неладно. Идем на завод. Все увидишь. Весь лом, который у них пропадает, будет нашим.

Мы, щурясь на солнце, пошли по теплым улицам. Я смотрел на сизых голубей. Они барахтались в лужах на мостовой и, попадая в радужные разводы бензина, становились похожими на маленьких павлинов. Мне было весело. Петька молодец! Скоро каникулы! Первая премия! Автопоход! И пирожок такой вкусный! Больше я ни о чем не спрашивал Петьку.

Мы подошли к заводу. Это был большой завод. На нем ра-

ботали наши отцы. Всю его территорию нельзя было окинуть глазом.

Около проходной с вертящимися дверями Петька неожиданно остановился, стал оглядываться, потом отвел меня в сторону и о чем-то задумался. «Струсил», — подумал я.

Но Петька сказал:

— Вперед! За мной! Смело! Главное — в дверях не запутайся.

Он достал из кармана бумагу и толкнул дверь. Я, держась за его хлястик, засеменял на цыпочках. Сзади вертящаяся дверь наступала мне на пятки и хлопала пониже спины.

Проходя мимо вахтера, Петька небрежно развернул бумагу.

— Из газеты!

Пока вахтер что-то соображал, мы успели зайти за угол огромного цеха с застекленной крышей. Петька сказал:

— Теперь смотри и запоминай, где что лежит.

Мы с трудом пробирались по талому, покрытому копотью снегу.

Вдруг Петька остановился около больших бугорков. Он носком ботинка расколупал ледяную корочку на одном из них, и я увидел целую кучу ржавых болтов, резцов, каких-то странных шайб, толстых полос стали и разных колесиков. Мы присели на корточки и смотрели на все это, как геологи на первые якутские алмазы.

— Тут килограммов сто... и это еще не все, — сказал Петька сдавленным голосом.

Снег на следующем бугорке мы разгребали руками. В нем было видимо-невидимо частей старых рубильников и всяких железных штуквин.

В общем, мы по колено в снегу бродили по широкому проходу между цехом и забором и зорко, как грибы в лесу, искали притаившиеся сокровища.

У самого забора я нащупал ломиком, а потом раскопал

с пяток электромоторов. Петька изредка вскрикивал: «Ой! Залежи проволоки! Арматурной!», «Ой! Шкивы и валики!», «Смотри что делается!», «Жалко же!», «Повыбрасывали, когда цех переделывали!»

Вдруг Петька вскрикнул: «А-ах!» Я обернулся и увидел около забора только Петькину голову. Мне даже страшно стало, до того она была одна на снегу, как в «Руслане и Людмиле». Голова Петьки испуганно хлопала глазами и пыталась что-то сказать.

Я рванулся на помощь к Петькиной голове и тоже провалялся по шейку. Петька сказал, скривив губы от боли:

— В траншею... попали... Здесь станок валяется, а может, два... я ногу поломал...

Я сразу стал подминать снег под себя, чтобы нам обоим выбраться, и правда увидел макушку токарного станка. Петька стоял рядом с ним. Наверно, он об него ударил ногу. Пока я откидывал снег в сторону, Петька стонал и с жадностью очищал станок. Потом я попытался вытащить Петьку, но он не мог шевельнуть ногой и никак не вытаскивался. Тогда я сказал:

— Ты подожди, а я сбегая за «скорой помощью».

Петька удержал меня.

— Нет... не уходи... давай лучше кричать вдвоем.

И мы начали кричать:

— На помо-ощь! А-а-а! Сюда-а-а! Э-э-эй!

Наверно, мы долго кричали. Вдруг из-за угла показались двое рабочих в телогрейках. Они подбежали к нам и тоже закричали:

— Ага! Попались!

Петька напряг все силы и повысил голос:

— Никто не попался! Прошу повежливей! Я корреспондент из газеты!

Он достал из кармашка бумагу с орденом и красными буквами, помахал ею перед рабочими и спрятал обратно. Рабочие

Голова Петьки испуганно хлопала глазами и пыталась что-то сказать.

стали вежливо вытаскивать Петьку, а он разозлился и закричал:

— Ведите нас к директору! Мы с ним сейчас поговорим!

Мне хотелось смяться, но не мог же я бросить Петьку. Рабочие поддерживали его под руки. Я плелся сзади. Петька сначала еле волочил ногу, потом здорово захромал и, наконец, пошел сам. Рабочие что-то проворчали и оставили нас одних.

В заводоуправлении я сразу подбежал к батареям и стал отогревать руки и ноги. В моих ботинках было полно снега. Петька дернул меня за воротник.

— Пошли!.. Теперь понял, что первое место за нами?

Служащие, ходившие по коридорам, не обращали на нас внимания. Петька, не раздумывая, толкнул дверь с табличкой «Директор завода». Мы вошли в небольшую комнату. В ней никого не было, кроме светловолосой девушки и черных телефонов. Девушка, взглянув на Петьку, спросила:

— Вы к кому, мальчики?

Петька снова достал бумагу и помахал ею:

— Доложите директору: корреспондент «Пионерки».

— Ага... — промямлил я.

Девушка открыла другую дверь, обитую желтой кожей. Мы услышали много голосов. Потом все стихло, и кто-то, наверно директор, густым басом сказал:

— Безобразие! Опять корреспонденты? От «Пионерки»? А от «Мурзилки» пока еще нет? Что? Ну-ка давайте их сюда!

Петька, опередив девушку, первым вошел в кабинет директора. Я — за ним.

В кабинете за длинным столом, похожим на футбольное поле, сидели какие-то люди. Они захохотали, как только увидели нас.

— В чем дело? — загредел бас.

Я втянул голову в плечи, а Петька опять-таки развернул бумагу и с полминуты подержал ее над головой. Потом сказал:

— Я — Копенкин из газеты. Он — Рыжиков. Как же так,

товарищи? Отдавайте нам металлолом! Все равно он зря пропадает!

Я тоже осмелел:

— Пропадает!

Все снова засмеялись.

Девушка что-то сказала на ухо директору. Он поднял трубку телефона, набрал номер и пробасил:

— Медпункт? Пришлите сестру, бинты и йод. Быстрей... Алло! Главный? Срочно попросите ко мне нашего зама по технике безопасности.

Петька как-то сразу обмяк и попятился к двери. Я вспомнил слова из какой-то книжки: «От храбрости Вилли не осталось и следа...» — и присвистнул про себя: «Вот это влип мой друг!» Ведь Петькин отец был этим самым замом по безопасности. Еще бы немного, и Петька убежал из директорской, но я, притворяясь спокойным, хотя у меня горло пересохло от страха и щипало в носу, сказал:

— Правда... товарищ директор... Все равно все валяется. Нам нужно... и газета велела...

— Так... так, — сказал директор и угрожающе кашлянул. — Кстати, покажи мне, Копенкин, свое удостоверение.

Петька вздрогнул, как-то растерянно улыбнулся и, покраснев, снова попятился к двери.

— Прошу удостоверение! — повысил голос директор.

— Давай! Чего ты? Струсил! — сказал я сквозь зубы и подтолкнул Петьку к столу.

Петька долго рылся в кармане, пыхтел и, наконец, глядя себе под ноги, протянул бумагу директору.

Тут прибежала медсестра с аптечкой, заставила унылого Петьку влезть на стул, задрала его штанину и стала смазывать коленку йодом. Петька сжал зубы и зажмурился. И снова все засмеялись, только директор сидел, мрачно задумавшись, и рассматривал Петькину бумагу.

В этот момент пришел Петькин отец. Увидев Петьку, он

сразу вынул из кармана алюминиевую коробочку, достал из нее белую таблетку и зачем-то положил под язык.

А Петька притерпелся к йоду, наверно, решил «была не была» и, как настоящий докладчик, выбрасывая руку вперед, заговорил:

— Эх, вы! А? За тем цехом и резцы, и проволока, и болты, и электромоторы, и медные полоски, и стальные, и станок, об который я ранен! Похоронили его в могиле и даже засыпать забыли! Мы целым классом ходим, бывает, ходим, ищем всякий лом, ноги зимой мерзнут, а у вас тут целые горы лежат! Эх, вы!

— Ты как разговариваешь? Как здесь очутился мой сын? — сказал дрожащим голосом Петькин отец.

И снова все засмеялись.

— Я здесь не сын, — тихо заявил Петька, не слезая со стула. — Я — товарищ Копенкин из газеты и товарищ Рыжиков тоже. И мы требуем отдать пятому «Б» лом, который мы нашли, и все. И не думайте, что писонерский патруль только свистит на перекрестках и проверяет «зайцев» в троллейбусах!

Петьке было тяжелей, чем мне, но он держался молодцом, а я вспотел, как от чая с малиной, снял пальто и положил сзади себя на стул.

— Вы что, воевать с нами собираетесь? — обиделся директор, не отрывая глаз от Петькиной бумаги.

Мы с Петькой сказали: «Ага!» Петькин отец, сдерживая ярость, засучил рукава и обратился к директору:

— Разрешите? — Наверно, он хотел за уши довести нас до проходной.

И снова все засмеялись. Тогда директор вышел из себя:

— Смеетесь, Волгин? Как обстоит дело со слесарным инструментом для подшефной школы? Безобразия!

Один из смеявшихся сразу покраснел и часто заморгал глазами.

— Батюшков! Вы уверяли меня в ноябре, что станки будут реставрированы и переданы школьной мастерской! Приказываю: реставрировать! — Директор заглянул в Петькину бумагу и продекламировал:

И чтоб моторы заурчали в школе,
Как принесенные в тепло щенки!

Петька почему-то радостно заулыбался, я был удивлен, что директор ни с того ни с сего заговорил стихами, а еще один из смеявшихся изменился в лице и остолбенело смотрел в потолок.

— Товарищи прорабы! Я завтра же побываю на стройплощадках и проверю...

Петька перебил директора:

— Чур, там тоже за нашим классом числится! Чур, мы первые у них лом нашли!

Прорабы за столом что-то пролепетали и погрузились в блокноты. Им теперь тоже было не до смеха. Директор встал из-за стола:

— Инженер Копенкин! Неужели я лично должен был проверить, засыпана ли траншея? Не вы ли сочинили лозунг: «В металлоломе 10% железа и 90% бесхозяйственности!» Составьте акт на ногу вашего сына.

Петькин отец неловко затоптался на одном месте. Мне стало жаль всех присутствующих.

— А вы! — Директор загремел басом надо мной и Петькой. — Вы настроение мне, понимаете, сорвали и совещание испортили!

Петька сполз со стула.

— Передайте завучу — через десять дней привезем станки и инструмент. И можете писать в свою газету что хотите. Все! Марш! Забери свое... удо-сто-ве-ре-ние!

На обратном пути, когда мы подходили к проходной, вах-

тер, нетерпеливо потирая руки, облизнулся, как будто собирался нас съесть. Наверно, Петькин отец объявил ему выговор. Мы побежали от проходной и перелезли через забор.

...Через три дня мы всем классом пошли на стройплощадку нового заводского поселка. Петька сказал ребятам, что он открыл новое месторождение металлолома.

Каково же было наше удивление, когда за снесенными бараками мы не нашли ни старых водопроводных труб, ни разбитых газовых колонок, ни чугунных бачков от уборных. Конечно же, их увезли по приказу директора, и нам ничего не досталось.

А около новых домов взад и вперед ходили бульдозеры и не было видно ни обрезков балок, ни скомканной арматурной проволоки, ни кусков кабеля. Все это было самой главной Петькиной надеждой в борьбе за автопоход. У ребят опустились руки. Петька шел сзади всех, зло пиная ногой старый ночной горшок. Короче, никакого лома мы не нашли. Я не стал ругать Петьку: ведь он хотел сделать лучше, но ему пришлось выпутываться и рассказать про историю на заводе. Ребята сказали нам:

— Эх... тайные корреспонденты!

А когда подвели итог школьного соревнования, наш класс слетел с третьего места на одиннадцатое. Зато шестой «А» бегал на переменке цепочкой, рычал, как колонна автомашин, и воображал, что переключает скорости.

В этот же день на сборе наш вожатый Слава долго молчал, а потом сказал:

— Автопоход, конечно, не шуточная премия, но Петька и Вова все-таки молодцы. Я заходил в цех и видел там два красивых станочка для нашей мастерской. И электромоторы для наждака, и ящики с инструментами и резцами. Между прочим, на них написано: «Сделано из лома, найденного пятым «Б».

Ребята зашумели: «И на станках так напишем!», «Мы ими заведовать будем!», «В поход пешком пойдем!», «На машинах плохо!», «Шины лопаются!», «Бензином воняет!», «Ура!»

— Вот как все получилось! — толкнул меня Петька. — Вот что такое корреспондент! Даже директор понял.

Я сказал:

— Дай хоть посмотреть.

Петька достал из кармана бумагу и под партой протянул мне.

Я снова успел только заметить красные буквы: «Пионерская правда».

— Вова! Что-нибудь интересное читаешь? — спросил наш вожатый Слава. — Дай-ка и нам посмотреть.

Я взглянул на Петьку. Он сказал:

— Ладно... дай.

Слава прочитал бумагу сам, рассмеялся и стал читать вслух всему классу. И вот что, оказывается, было написано во всемогущей Петькиной бумаге:

Дорогой Петька!

Получили твои новые стихи. Чувствуется, что ты растешь не по дням, а по часам. Нам понравился один образ в стихах о металлоломе:

*...И заурчат моторы в нашей школе,
Как принесенные в тепло щенки.*

Отвечаем на твой вопрос: «мешок — ишак», «мелко — стамеска» — рифмы плохие.

Конечно, стихи твои еще слабы и напечатать их мы не сможем. Не унывай, пиши, присылай.

С приветом. Редакция.

Все ребята, и сам Петька, и наш вожатый Слава смеялись так, что к нам в класс заглянул завуч. Только я не смеялся и думал: «Вот почему директор заговорил тогда стихами, ему

Петькины строчки понравились: «...как принесенные в тепло щенки».

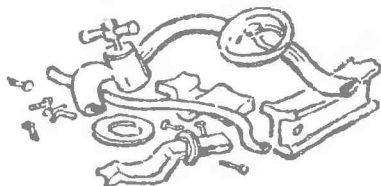
Я с уважением посмотрел на Петьку и спросил:

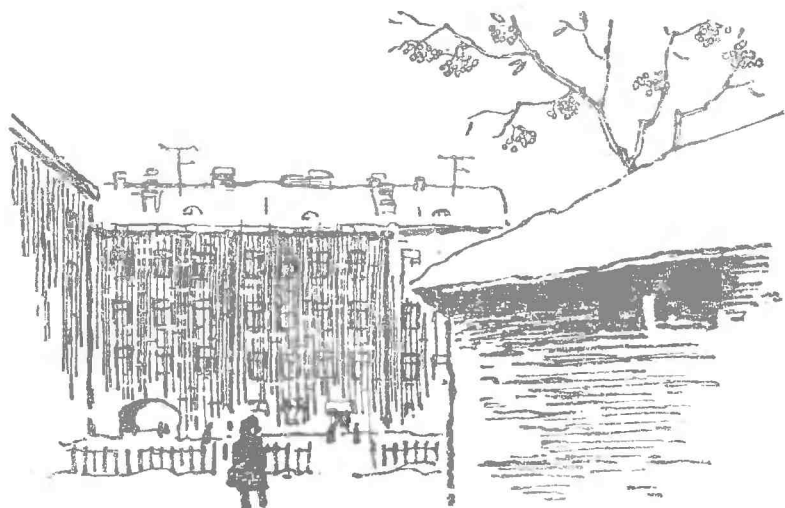
— А в газете был вопрос, большие такие черные буквы: «Куда катится Западная Германия?» Ты что будешь отвечать?

Петька задумался и важно сказал:

— Надо бороться за разоружение. А все пушки, и танки, и пулеметы, и ракеты, и пули выкинуть на металллом! — Глаза у него загорелись. — Представляешь?

— Здорово! — сказал я и еще раз с уважением посмотрел на Петьку.

Замерзшая рябинка

По дороге в школу я вспомнил, что на первом уроке у нас рисование. Я остановился и потрогал кончиком ботинок ледяную корочку на огромной луже. В школу мне уже не хотелось идти.

Я стоял над лужей и кончиком ботинок обламывал хрупкую ледяную крошку. Я, конечно, пошел в школу. Но только уныло-уныло. А все из-за рисования.

Я его ненавидел, потому что весь прошлый год мы рисовали на уроках вазу или кружку с деревянной ложкой, или матрешку, или противный старый цветок в горшке. Я ненавидел рисование еще и потому, что на урок нужно было приносить альбом, цветные карандаши и акварельные краски. Все

это никак не умещалось в желтой полевой сумке, которую я с трудом выпросил у дяди — майора в отставке.

Отдавая ее мне, он сказал:

— Я с этой сумкой всю войну прошел. Береги ее. Она меня от тяжелых ран три раза спасала. Носи в ней свои тетрадки и книжки до последнего класса. И учись как следует...

Я любил свою сумку, только вот альбом и краски приходилось нести в руках.

А разве это жизнь, если идешь в школу, а руки у тебя заняты и ничего нельзя сделать: ни побороться с Петькой, ни выбраться из троллейбуса с задней площадки, ни перелезть через забор...

На урок я немного опоздал. Я вошел в класс и спросил:

— Можно, Арина Ивановна?

— Больше не опаздывай! — сказала Арина Ивановна, учительница рисования.

Она всего три урока преподавала в нашей школе вместо ушедшей на пенсию Эмилии Васильевны.

Я сажился на место, когда Арина Ивановна спросила меня:

— Ты принес альбом и краски?

— Нет, — сказал я, — забыл...

— Ты забываешь их третий раз. Мне это надоело. Иди домой и без альбома на урок не возвращайся.

Я пошел к двери, постукивая ногой об ногу.

Все-таки на улице было уже холодно. Арина Ивановна сказала, посмотрев на меня:

— Впрочем, оставайся. Вечером я зайду к твоему отцу. В чем ты носишь альбом?

— Так... — Я показал свою желтую полевую сумку.

— Все понятно. Мы договоримся, чтобы отец купил тебе портфель или ранец.

Я совсем приуныл. С первого класса ношу свою полевую сумку, и все ребята знают, что она в трех местах пробита пулями... И вдруг из-за какого-то рисования!..

— Рыжиков! Перестань жевать воротничок! — Арина Ивановна, как всегда, ходила из конца в конец класса. — Ребята! Как вы думаете, для чего мы учимся рисовать?

Наверно, кто-то поднял руку и ответил. Я ничего не слышал. Я думал о своей желтой полевой сумке, пробитой пулями в трех местах, и о ненавистном рисовании. В обмен на освобождение от него я бы с радостью решил лишнюю контрольную по арифметике и еще пять примеров в задачку.

— Рыжиков! Интересно, что ты думаешь о рисовании?

Я встал и сказал:

— Чего мне думать... раз забыл альбом и краски...

— Хорошо, — сказала Арина Ивановна. — Прошлые уроки помогли мне получше познакомиться с вами, — она улыбнулась, — как с живописцами. Сегодня каждый из вас попробует сделать по иллюстрации, то есть по картинке, к своей любимой книжке.

Я обрадовался — все-таки это не кубики и горшки срисовывать — и сразу прошептал Петьке:

— Вырви лист из альбома... дай кисточку, а то Беляева не получишь...

— Рыжиков! — сказала Арина Ивановна. — Вот бидончик. Сходи и набери в него воды. Чтобы ребята не теряли времени, ты будешь менять в их баночках воду. Понятно?

В общем, я ходил по классу, выливал из баночек грязную воду, доливал чистую, и мне почему-то очень тоскливо было наблюдать, как ребята рисуют.

Я заглянул в альбом Павлика. Он рисовал синее-синее море и корабль с алыми-алыми парусами. Только паруса были неправильные. Мы заспорили, чуть не подрались, и я ко всему прочему получил замечание.

Петька тоже рисовал море, но только в разрезе. На дне его лежали морские звезды и рыба-меч, а над ними плыл человек-амфибия. Я вздохнул: «Мне бы сейчас листок из альбома!»

Даже у Людки Алешиной на развороте альбома была на-

рисована арена цирка и на длинном шесте Гуттаперчевый мальчик. А у Коли Грачикова — белое дерево, черная ворона и под ней — оранжевая лиса.

Это было красиво. В общем, чего только не рисовали ребята: и мушкетеров, и Чапаева, и пиратов, и марсиан, и Чука с Гekom, и Руслана с Головой, и Гагарина в кабине «Востока», а я ходил по классу и менял в баночках воду.

Когда прозвенел звонок, Арина Ивановна задала на дом сделать рисунок с натуры и спросила меня:

— Тебе хотелось порисовать?

— Нет! — сказал я упрямо.

— Ну что ж... передай отцу, что я сегодня зайду к вам.

Вечером, когда я пришел от Петьки (мы вместе делали уроки), Арина Ивановна была уже у нас. Она и мой отец сидели на кухне, звенели чашками и спорили.

Я прислушался.

— А может, у него нет способностей к рисованию. Лишь бы не хромал по русскому и арифметике. В конце концов не каждый становится художником.

Мне стало обидно: «Почему это у меня нет способностей? У Лимского есть, у Петьки есть, а у меня нет?»

-- Не спорю, может быть, он не станет художником, — продолжала Арина Ивановна, — но и ты и я обязаны воспитывать в нем чувство прекрасного. Мне жаль тех, кто не видит и не понимает красоты... ну, скажем, неба, деревьев, дождя, не видит людей, улиц, машин... — доказывала Арина Ивановна.

Мой отец сказал, немного подумав:

— Я ничего не говорю. Ты права. Но что же делать?

— Для начала отбери у него сумку и купи портфель. И проверяй не только примеры и задачки, но и рисунки.

«Посмотрим... посмотрим. — обиделся я еще больше, — вижу я небо, и машины, и людей или не вижу... а сумку полевую не отдам!»

— Ладно. Договорились. Отберу у шалопаю сумку, — сказал, вздохнув, мой отец.

Я вбежал в кухню и заорал:

— Пап! Арин Иванна! Одно замечание по рисованию — и отберете. Я буду за пазухой таскать альбом или из нейлона сделаю пакет. Честное пионерское! Я люблю сумку. Она красивая. Сами говорили...

Мне неожиданно поверили. Я пошел спать и слышал, как Арина Ивановна, одеваясь в передней, вспоминала каких-то ребят и какой-то случай на уроке зоологии. Мой отец засмеялся и сказал:

— Вот уж никогда бы не подумал, что ты станешь преподавать рисование!..

Я завернулся с головой в одеяло и заснул...

На следующий день я пришел из школы и сразу решил сделать заданный рисунок с натуры.

В окне соседнего дома было видно, как Лимский уже что-то срисовывает, высунув язык. Он лучше всех рисовал в нашем классе. Эмилия Васильевна ставила ему только пятерки.

«Куда уж мне!» — подумал я, просмотрев свой альбом.

Но рисовать мне из-за этого не расхотелось. Наоборот, я почему-то захотел взять цветные карандаши и нарисовать что-нибудь красивое. Я даже заволновался. Не буду, как Лимский, сидеть в комнате. Пойду на улицу. Там и люди, и небо, и снежные бабы, и машинны разные...

Я быстро оделся, выбежал на улицу и... увидел нашу рябишку. Увидел как-то вдруг, увидел как будто в первый раз, хотя она всегда росла в скверике перед нашим домом.

Я даже присел на краешек тротуара — до того мне понравилась рябинка.

Гроздья ягод взлетали к небу, словно гроздья красных ракет во время салюта, а заиндеветшие ветви тянулись за ними, как струйки дыма.

Сразу за ней возвышалась пологая, засыпанная первым снегом крыша автомастерской, и рябинка казалась распластанной на этой крыше, как на огромном листе бумаги.

Я вскочил с тротуара и подумал: «Мое счастье, что ягод никто не съел! Нужно быстрее, пока еще кому-нибудь не пришло в голову нарисовать рябинку!»

Лимский все еще сидел у окна и что-то срисовывал. Я ходил из конца в конец нашего двора, украдкой посматривая на рябинку, и соображал: «Как Лимский сидеть за окном не буду... Нужно по-настоящему... Сделаю станок из дощечек, залезу на газон и нарисую рябинку... Карандашами? Нет! Акварельными красками!» Я как-то почувствовал, что рябинку неинтересно будет рисовать карандашами. Я даже вообразил ее уже нарисованной, и у меня дух захватило от непонятого волнения. Я еще раз взглянул на нее. Вдруг вышло солнце, тронутые морозцем рябинки засветились насквозь и стали оранжевыми. Я сразу решил: «Ой! Вот так нарисую!» — и побежал к дяде Мише в столярку.

Часа три мастерил я станок из старых досок. Он все никак не получался. То падал, то наклонялся влево. Наконец я сбил две доски крест-накрест, сзади прикрепил на куске резины планку, и она поддерживала станок под любым углом. Пока я возился, на улице стало сумеречно. Рисовать уже нельзя было. Я потащил свой станок в подъезд и поставил его на шестом этаже около машинного отделения лифта. Потом пошел делать уроки. Я решал примеры и несколько раз представлял себе рябинку с ягодами, просвеченными солнцем.

Утром я, как старой знакомой, помахал ей рукой, а вернувшись из школы, принялся за дело.

Мне не терпелось поскорей пачать рисовать. На кухне я взял большую фанерку, на которой моя мать разделявала лапшу, и прикрепил к ней лист чертежной бумаги. Картонку с акварельными красками я прибил гвоздиками к дощечке с широкой дыркой. На ней резали лук, селедку и картошку, а в

дырку пролезал большой палец. Все было совсем как у настоящего художника, которого я видел летом в деревне.

Потом я вынес станок из подъезда и поставил его на заснеженном газоне недалеко от рябинки.

Было градусов двенадцать мороза, и вода в баночке наверняка замерзла бы. Я сбегал домой за туристским кофейничком отца и спиртовкой. Но спиртовка оказалась пустой. Я снова сбегал домой и вылил в нее остатки «Тройного одеколона» и бутылочку маминых духов «Белая сирень».

Фитилек загорелся. Я набросал в кофейник снега, потому что мне надоело бегать домой, и наконец взял в руки тоненькую кисточку и дощечку с красками.

Я, волнуясь, смотрел то на рябинку, то на лист бумаги и незаметно для себя нарисовал красной краской штук десять гроздей по двадцать ягод в каждой. При этом я думал: «Посмотрим... вижу я деревья и улицы или не вижу».

Я отдышался и огляделся. Никто за мной не следил. Лимский все так же что-то рисовал за окном.

Заиндевевшие ветви рябинки почти сливались с крышей автомастерской. Я белым нарисовал крышу, а черным слуховое окно. Кисточка моя замерзла. Я обмакнул ее в горячую воду. Все шло как по маслу. Ствол я сделал светло-зеленым с коричневыми отметинами срезанных сучков. От ствола я провел к красным гроздьям голубоватые ветки. Вода в кофейнике стала грязной. Я ее вылил и снова насыпал снега. Потом я отошел на два шага от станка и со страхом всмотрелся в то, что получилось. Получилось вроде здорово. Я побежал в подъезд погреть руки.

Вернувшись, я увидел, что около ограды стоят какой-то парень без шапки и наша соседка по площадке Ветка Палевская. Она училась в десятом классе. Парень ей что-то горячо доказывал, показывая на мой станок:

— Нет! Ты взглядишь, Ветка. Здесь работает большой талант. Смотри, как он чувствует цвет! Первый снег... А голубо-

ватые, словно от неба, ветви? А ягоды? Кажется, что они горчат во рту. Молодец! Он из вашего дома? Я бы рисовал только так! И вообще это — поэзия: мольберт из дощечек, грубая палитра, спиртовка, кофейничек, снег! Краски замерзают и отогреваются... Хочешь, я на морозе сочинию тебе стихи?

Заметив меня, Ветка смущенно сказала:

— Пойдем, Савченко. Ты слишком восторженный человек.

Парень как-то сразу сник и подышал на руки. Он закричал, когда я подошел к станку:

— Эй! Але! Ну-ка проваливай!

Ветка взяла его под руку, и они ушли. «Ага! — подумал я. — Значит, я вижу все красивое! Значит, я могу рисовать? То-то!» И снова принялся за рябинку. Я понял, что в картине чего-то не хватает, и догадался: снег на крыше нужно было подсинить, как моя мать подсинивает белье. Я так и сделал, и снег на крыше стал белым, а на газоне грязноватым. Потом заполнил пустые места над крышей холодным синим небом, погрел руки над кофейничком и коряво написал внизу листа: «Замерзшая рябинка».

И ноги и нос у меня совсем замерзли, но я все смотрел то на мою «Рябинку», то на настоящую.

Уже темнело, когда я втаскивал станок с картиной в подъезд. Меня окликнула Ветка:

— Ты, Вовка, талант!

— А Савченко твой учитель рисования?

— Что ты, — сказала Ветка, — ну... как бы тебе сказать...

Он в таком состоянии, что видит нечто высокое и прекрасное во всякой ерунде.

— И в тебе, значит? — сказал я.

Ветка нахлобучила мне шапку на голову и весело побежала по лестнице. Жаль, что у меня были заняты руки. Сверху Ветка крикнула:

— Не носи «Рябинку» в тепло, краски оттают, и все размажется.

Я понял, что в картине чего-то не хватает...

Я похолодел. Это была правда. Еще немного, и загубил бы свою «Рябинку». Я пошел к дворничихе, взял у нее ключи и поставил «Рябинку» на улице за стеклом «Доски объявлений».

Все проходили и смотрели на «Рябинку», и я стоял поодаль и тоже смотрел и почему-то никак не мог на нее наглядеться.

Вечером меня ругали за кофейничек, за духи, которые, оказывается, были «самым скромным, но дорогим подарком», и за дощечку, вымазавшую лук и селедку в разноцветные краски.

На уроке рисования Арина Ивановна спросила меня:

— Принес альбом и краски?

Я показал и то и другое.

— Хорошо. А рисунок с натуры сделал?

— Сделал... но...

— Забыл? — вскрикнула Арина Ивановна, грозно раскрывая журнал.

Я подошел к ней и так, чтобы никто не услышал, рассказал, почему я не принес свою картину.

Арина Ивановна сказала всему классу:

— Ребята! После уроков мы пойдем смотреть картину Вовы Рыжикова. Это любопытно. — Потом она проверяла домашние рисунки и тут же ставила отметки.

Лимский, оказалось, нарисовал комод, а на нем цветы. Я подумал, что никогда не стал бы срисовывать бумажные цветы, и вместе с Петькой зевнул от скуки.

Арина Ивановна долго смотрела на рисунок Лимского и наконец сказала:

— Четверка с минусом...

Зато Арина Ивановна обрадовалась, когда поставила три пятерки: Буркиной — за рисунок «Жареная картошка на синей скатерти». (У меня и у Петьки потекли слюнки — такой это был рисунок!) Грачикову — за рисунок «Машина убирает снег» и Алешиной — за рисунок «Папа бреется».

После уроков Арина Ивановна и весь класс направились смотреть мою «Рябинку».

Когда мы пришли в наш двор, я покраснел и сказал:

— Вот... за стеклом...

Все столпились у «Доски объявлений».

Арина Ивановна первая тихо сказала:

— Рябинка!..

Ребята несколько секунд молчали, а потом затараторили:

— Красиво как!

— Ой! Ой! И еще раз — ой!

— А мы на нее тыщу раз смотрели!

— Нарисуй мой портрет!

Арина Ивановна сказала мне:

— Можешь нести рисунок домой. Краски на морозе просыхают, как лужи. Ставлю тебе... — она задумалась, — четверку с плюсом.

Это была моя первая в жизни четверка по рисованию. Лимский что-то бурчал себе под нос. Арина Ивановна добавила:

— Ты, Вова, должен поучиться у Лимского технике рисунка, а ты, Лимский, у Вовы...

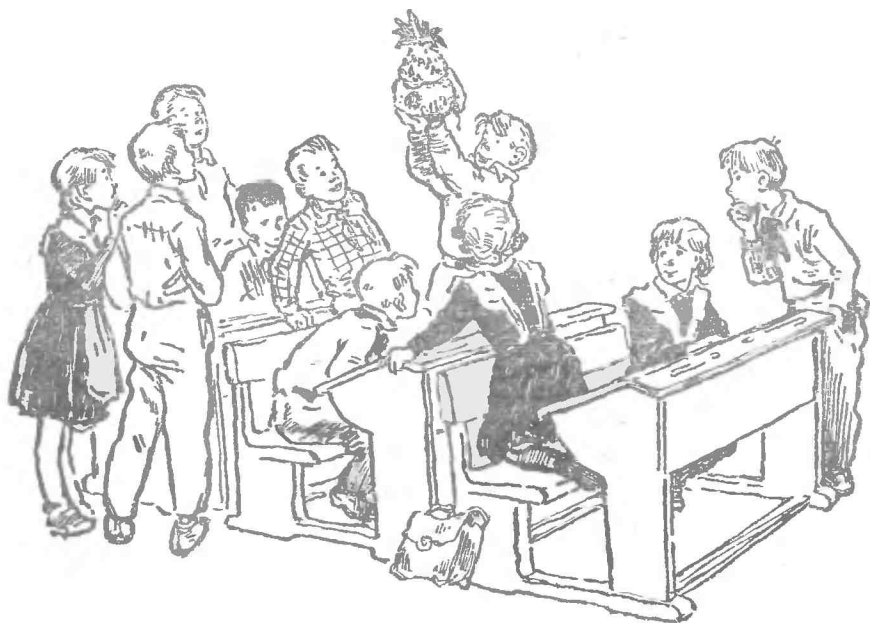
— Видеть красоту! — не удержался я.

Арина Ивановна кивнула. Ребята еще долго смотрели на «Замерзшую рябинку» и сравнивали ее с настоящей. А когда все ушли, я вынул мой рисунок из-за стекла и пошел домой.

У подъезда мне повстречался тот самый Веткин парень. Он кашлянул и отвернулся. Я тоже.

Дома я подумал: что бы мне еще нарисовать? И решил: обязательно нарисую свою желтую полевую сумку, пробитую пулями в трех местах.

Ананас

Мысль купить большой ананас пришла мне в голову на уроке географии. Пришла она неожиданно. Матвей Иванович рассказывал нам о Южной Америке, о ее зверях, овощах и фруктах.

Я, закрыв глаза, пытался представить в уме тропические джунгли, пантеру и анаконду, срывающую с пальм бананы и ананасы.

Только почему-то вместо зверей и пальм я представил в уме витрину нашего овощного магазина.

В ней, как богатыри на пьедестале почета, на красных ступеньках стояли три ананаса. Большой, поменьше и совсем

маленький. На зеленом хохолке самого большого висела бирка: «кг 1 р. 60 к.»

— Рыжиков! Повтори! — окликнул меня Матвей Иванович.

Я вздрогнул, встал и... ничего не смог повторить.

— О чем ты думал?

— Как о чем?.. О... о флоре и фауне...

— Садись.

Матвей Иванович продолжал рассказ, а я грустно думал о бирке «кг 1 р. 60 к.»

Если бы я сказал дома: «Мам... мне почему-то ананаса захотелось...», — моя мама ответила бы: «Мне почему-то хочется, чтобы мой сын Вова стал круглым отличником...» Поэтому я, не откладывая дела в долгий ящик, забрался на перемене на парту и произнес:

— Слушайте меня все! Нам нужно по плану сделать полезное мероприятие? Нужно!..

— Молодец! — перебил меня редактор нашей стенгазеты Валька. — Давно пора включиться в работу.

— Так вот, — продолжал я, — давайте купим ананас! Большой! В складчину!

— Не! Не! Не! — сразу же завопил Валька. — Ананас не является полезным мероприятием!

— Наоборот — является. Я его отцу в больницу носила, — тихо сказала Людка.

— А я этих ананасов могу и дома есть хоть каждый день, — похвалился Гарик. Он был хвальба и жадина.

Все стали спорить. Я крикнул:

— Кто «за»? Поднимите руки!

Девочки-сластены тут же подняли руки, почти все мальчишки тоже, а остальные, увидев, что полезное мероприятие принято большинством голосов, перестали воздерживаться. Я обрадовался, однако редактор Валька предложил:

— Товарищи! Если уж на то пошло, мы его завтра утром

купим, потом срисуем на рисовании и только потом съедим. Тогда будет полезное мероприятие. Я настаиваю.

— Идет! Обязательно надо его срисовать, — сказал Петька.

Мы тоже не были против.

На другой переменке я составил ведомость на двадцать шесть человек. Все внесли по пятнадцать копеек и по настоянию Вальки расписались.

Утром перед уроками мы с Петькой встретились у овощного магазина.

Продавщица быстро предложила нам несколько ананасов, но они были маленькими, а мы хотели выбрать самый большой. В очереди уже начали ворчать:

— Вот чем они вместо школы занимаются...

— По отцовским карманам мастера... Налопаются яств и в кино... Знаю... Сам бывший школьник.

Ругаться с бывшим школьником не хотелось. Я от всей души попросил продавщицу:

— Девушка! Дайте с витрины! А? Нам очень нужно.

Продавщица быстро достала с витрины богатырский ананас. Денег у нас хватило. Даже еще осталось девять копеек.

По дороге мы подкидывали ананас на руках. Он и вправду был как богатырь в своей панцирной светло-медной коже с зеленым темляком на макушке.

В класс я внес его в шапке, так же, как совсем недавно черепаху, и поставил на учительский стол. Девчонки запрыгали от радости, а мы, мальчишки, договорились взять на переменке у буфетчицы Настеньки глубокую тарелку и колбасный нож.

Потом зазвенел звонок. Я снова положил ананас в шапку и спрятал в парту.

На первом уроке Петька то и дело толкал меня в бок и канючил:

— Дай хоть понюхать его... Он же пахнет...

Весь класс поглядывал в нашу сторону и глотал слюнки.

Между прочим, оказалось, что Гарик, который, по его словам, мог каждый день есть дома ананасы, почему-то отсутствует.

На перемене мы любовались ананасом и говорили о тропиках. На втором уроке Петька решительно прошептал:

— Не могу я больше ждать... Отрежь мою дольку... Тогда спокойно сидеть буду. И — все... Я же видел на картинке ананас в разрезе...

Я задумался: «Что же делать? Впереди еще три урока, а есть охота, как никогда... Если пойти в буфет — пропадет аппетит!...» Вдруг ананас станет от этого не таким интересным. Наверно, все ребята тоже так думали.

В классе было тихо. Женя решал у доски трудную задачку и вот-вот должен был получить двойку. Все за него болели. Я прошептал Петьке:

— Давай притворимся, что мы его едим... Посмотрим, что будет...

Мы тихо зачмокали, задвигали челюстями и, в общем, сделали вид, что глотаем ананас большими кусками. Все сразу стали грозить нам кулаками и делать страшные глаза. Мне за шиворот зачихнули записку. Я прочел ее:

Прекратите!!! Эх, вы! Товарищи...

Пред. сов. отр. Блинов и др.

Тогда я дал понять ребятам, что мы притворялись, и весь класс дружно вздохнул. Софья Васильевна сказала:

— Чем вздыхать тяжело, лучше бы подтянули своего товарища.

Женя из последних сил все еще мужественно держался у доски. Через полминуты он сдался, получил двойку, и урок кончился. Петька забрался на парту.

— Ребята! Я ждать никак не могу. Я требую отрезать мне кусок! Я и по памяти срисую, а пока съем.

— Правильно! — тут же пришел в себя Женька.

— Эх, ты! — сказал предсовета Блинов. — Первый же согласился сначала срисовывать.

— И мне хочется... — робко заявила Людка.

— Сорвется же мероприятие! — запротестовал редактор Валька. Он стал спорить и что-то доказывать на исторических примерах.

Тогда я предложил:

— Давайте устроим тайное голосование. Кто не хочет есть сейчас — пусть напишет на промокашке «не хочу». Кто хочет — пусть ничего не пишет. Можно и воздержаться. Промокашки кидайте в корзину.

Кое-кто продолжал упрямяться, часть ребят задумалась, а многие бросились к тетрадам — и вот уже в корзину полетели скомканные промокашки. Я стал их проверять, когда все проголосовали. Промокашки оказались чистенькими. Слов «не хочу» не было написано ни на одной из двадцати шести. Даже за Гарика кто-то кинул промокашку. Воздержавшихся не было. Наверно, они побоялись, что ананас могут съесть и без них. Редактор Валька сказал:

— Ладно. Я не виноват, что так получилось. Но, братцы, нужно же провести что-нибудь полезное! От ананаса после всего останется только зеленый хохолок. Я предлагаю вручить его завтра тому, кто первый решит контрольную по арифметике! Во!

— Ура!! — закричали ребята.

Только Женя приуныл.

Мы и не заметили, как зазвенел звонок и начался другой урок. У нас должен был быть французский. Но Нелли Петровна почему-то не приходила.

Петька поставил на парту глубокую тарелку и протянул мне колбасный нож.

— Режь!

Коля — наш лучший арифметик и будущий обладатель зеленого хохолка — ехидно спросил у Жени:

— В классе двадцать шесть человек. За партами сидят по двое. На сколько частей нужно разделить ананас?

— Поровну, конечно... На двадцать шесть! — не задумываясь, ответил Женя.

Все засмеялись. Петьке не терпелось:

— Дели на тринадцать. Потом сами разделят на глаз или линейкой.

Коля циркулем наметил на ананасе дырочки. Все на цыпочках подошли к моей парте. Сначала я ножом срезал зеленый хохолок.

— Ой, кактус! — изумилась Людка.

— Можете сразу отдать его мне, — сказал Коля.

— Ничего не сразу мне! — возмутился Петька. — Американский Томас тоже хвалился, как ты, а Брумель его взял и перепрыгнул!

— Точно! — сказали ребята.

Вдруг за дверью послышались шаги. Ребята разбежались. Я спрятал ананас.

В класс неожиданно вошел Гарик. Он подозрительно посмотрел на нас и злобно сказал:

— Так и знал, что без меня съели... Ла-адно!

— Почему прогулял два урока? — спросила староста Лелька.

— Я болел сначала... вот записка... Сожрали... Отдавайте деньги... — занял Гарик.

Надо было отдать ему деньги обратно и оставить без ананаса за такие слова... Ребята снова нетерпеливо обступили меня.

Тогда я воткнул нож в ананас сверху вниз и по нему на тарелку заструился светлый сок. И в классе сразу запахло так прекрасно и непонятно, что все мы с минуту молчали и, расширив ноздри, поглядывали друг на друга.

Я сделал еще два глубоких надреза, и первые две дольки отвалились от ананаса на край тарелки, как будто он раскрыл лепестки. И староста Лелька дала их Жене и Людке. Я резал и резал ананас, а он внутри переливался соком, как кристалл светом, и кожура его крепко-крепко держалась за сочную мякоть.

Ребята брали свои дольки, и дольки плыли по классу кожурой книзу, как маленькие пироги туземцев, доверху нагруженные самым сладким на свете товаром.

Наконец на тарелке осталась только моя и Петькина долька. Мы разделили ее и незаметно для себя съели. Почти все ребята съели тоже. А Людка смотрела на свою дольку, смотрела, пока Игорь не толкнул нечаянно пузырек с чернилами. Они залили Людкину дольку. Людка захлопала ресницами и, конечно, разревелась.

У меня прямо сердце перевернулось, я сказал:

— Давайте, кто еще не доел, по кусочку в Людкин фонд... Мне сок полагается за то, что резал... Пусть она пьет...

Петька недовольно облизнулся: он надеялся, что я поделюсь с ним соком.

Все, недоевшие свои дольки, ни слова не говоря, поделились с Людкой. Только Гарик заворчал на меня:

— Сам небось успел съесть...

Я посмотрел из окна на уличные часы и удивился: после переменки прошло всего двадцать минут.

В этот момент в класс вошел Матвей Иванович.

— Садитесь, — сказал он. — Нелли Петровна заболела. Займемся повторением Южной Америки. Флора и фауна Кубы.

Матвей Иванович как-то незаметно повел носом и наморщил лоб. В классе все еще прекрасно пахло ананасом.

Потом он спросил:

— Что у вас тут происходило? Честно.

Тогда Людка сказала:

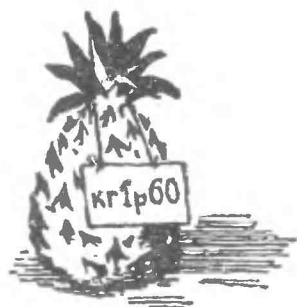
— Мы вчера решили... Ну, в общем, для закрепления материала по Южной Америке съесть ананас. И съели. Вот только кожура осталась. Мы, как туземки, сделаем из нее бусы и браслеты.

Матвей Иванович посмотрел на кожуру, его обычно строгое лицо подобрело; он кашлянул и тихо прочитал наизусть:

...Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман...

...Это — Блок.

А я понюхал нож и вздохнул: уж очень он был вкусным — этот ананас из далекой страны.

Самый красивый гриб

В нашей деревне раньше всех петухов просыпается петух моей бабушки. Он долго, как горнист, тянет первое «кукареку!»

Соседский петух Гусар сразу же начинает злобно квохтать. Потом он тоже кукарекает, но как-то сипло и скрипуче, словно спросонья откашливается. Бабушкин петух побеждает Гусара в пении, но проигрывает ему в боях и к концу лета теряет больше половины перьев.

Бабушка однажды сказала:

— Не горюй, Петенька, не горюй. Ведь ты — артист, а Гусар — хулиган.

...Я сидел на крыльце, цедил из крынки молоко и смотрел, как Петенька и Гусар готовятся к бою.

Они неподвижно стояли друг против друга, вытянув нахорленные шеи. Кончики их клювов едва заметно то опускались, то поднимались, как носики весов в сельпо. Я смотрел на петухов, а Мишка и Борька почему-то все не шли и не шли. Мы еще вечером договорились пойти на зорьке по грибы.

Увидев, что с Мишкой и Борькой идет Зойка, я задохнулся от злости и бросил в петухов брикетом торфа.

Эта Зойка лучше всех играла в «чижика» и на днях маяла меня почти целый час.

Я обиженно заявил Мишке и Борьке, когда они подошли поближе:

— Договорились вчера?.. Договорились! И гоните ее! Или я, или она!

— Пошли, Зойка! — сказал Мишка.

Я тут же перестал считать его самым справедливым человеком в деревне.

Зойка, грустно стоявшая поодаль, виновато на меня посмотрела. А Борька, который был очень жадным, наверно, подумал: «Без тебя мне больше грибов достанется...» — и тоже сказал:

— Пошли, Зойка!

Это меня ошарашило, но я, сам того не замечая, поплелся следом за ребятами.

На краю оврага, за которым начинался большой лес, Мишка обернулся и, увидев меня, что-то сказал Борьке и Зойке. Они присели на пенечки, глядя в мою сторону. Когда я подошел, Мишка сказал:

— Мы тут соревнование устроили. Первая премия тому, кто больше всех соберет, а вторая — за самый красивый гриб. Будешь?

Я не хотел разговаривать. Я только дышал от злости часто и жарко, как дракон из киносказки, а потом крикнул:

— Из-за вас забыл жратву и лукошко!

Борька сказал:

— Вечно на чужое надеешься.

Тогда я снял рубашку, затащил узлы на ворота и на рукавах и сказал:

— Еще увидите! — и первым зашел в густой березняк.

Я сразу забыл о Зойке, о ехидном взгляде Борьки и о том, что без рубахи в лесу еще холодновато.

Мои резиновые сапоги лаково заблестели. Было так росисто, словно только что прошел теплый ливень. Даже колокольчики и высокую траву пригнуло к земле.

Я пробормотал свое главное заклинание: «Нет грибов в лесу. Совсем нету. Плохой лес. Пойду лучше домой...» — и сразу увидел в траве сыроежку. Она была розовая, запотевшая, с прилипшей к шляпке желтой травинкой, очень похожая на моего двоюродного братишку после ночевки на сеновале. Я не срезал ее, а пошел дальше. За березкой мелькнул синий Борькин свитер. Я еще раньше заметил, что, если начинаешь злиться, грибы не попадают да и в «чижика» перестанет везти. Поэтому я плюнул Борьке вслед, спокойно присел на корточках, заглянул под елки, потом подошел к трухлявому пню. Из него выскочила ящерица.

В голове у меня промелькнуло: «Почему это у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов ни капли не отрастают?»

Рядом с пнем под папоротником стояли два подберезовика. Я их срезал под шляпку и пошел низинкой. Там было видимо-невидимо подберезовиков. Только я не радовался, а думал: «Ну, и что? Наберу их полную рубаху, а они в кашу превратятся. Пойду лучше на пригорок, где сосны и елки. Найду самый красивый гриб... и кину его в Зойку... И не надо мне премии. Я шел напролом через густой кустарник и все вставал на цыпочки, стараясь увидеть кого-нибудь из ребят. Но их не было ни видно, ни слышно.

Я немного испугался и стал говорить вслух сам с собой:

— Думаете, закричу ау-ау? Не такой я человек. Ни за что не закричу. Сами первые закричите...

А кочки почему-то стали похожи на папахи басмачей, и колючие кусты больно цеплялись за мои плечи. Еще немного, и я, не выдержав, закричал бы «ау»!

Но тут где-то слева от меня зааукала Зойка. Я, не откликаясь, пошел в ее сторону. Зойка стояла на пригорке и аукала, не замечая меня.

Я еще больше разозлился и заворчал:

— Подумаешь, заботится... не такой я человек... Сам не заблужусь.

— Что ты говоришь? — спросила Зойка, подлизываясь.

Я молча прошел мимо, но успел заметить, что в Зойкином лукошке полно маслят, и подберезовиков, и подосиновиков, а сверху лежат два крепких боровичка.

«Вот как дам сейчас по лукошку и все грибы растопчу, растопчу». Сказав это про себя, я немного успокоился и увидел Мишку. Он разглядывал кору на старой березе. А Борьки нигде не было видно. Я точно знал, что он идет стороной по своим тайным грибным местам. Я однажды хотел за ним увязаться, но он нарочно петлял и проваливался, как сквозь землю. Боялся, что ему меньше грибов достанется.

Мишка срезал кору с березы и пошел дальше. Я побрел за ним, и вдруг мне стали попадаться белые. Один! Другой! Потом целых три настоящих боровичка, присыпанных хвоей.

Мишка и не думал их находить. Он смотрел не под ноги, как я, а на ветви старых деревьев и засохших кустов. Еще он копался в валежнике.

Зойка тоже неподалеку. Я злобно следил за ее действиями. Заметив гриб, она неторопливо подходила к нему, плавно кланялась и улыбалась, как будто говорила: «Здравствуй, милый гриб».

...Я прямо выходил из себя. К тому же мне было неудобно нести наполовину набитую грибами рубашку. И тут мне повезло. Я нашел картонный ящик от конфет, высыпал в него грибы, обвязал рубашкой и получилось лукошко.

Вдруг Мишка крикнул:

— Эй, привал! Есть охота!

Он прилег под елкой, Зойка села напротив него, а запыхавшийся Борька немного погодя вынырнул из-за кустов.

Я присел поодаль от них на брусничной лужайке. От холодных горьковатых брусничин только сводило скулы и есть хотелось еще больше. Я почувял запах черного хлеба, колбасы и лука и услышал, как кто-то сдирает кожуру с холодных картофелин. Я чуть не плакал от голода, но думал: «Вот умру здесь в лесу, а не попрошу, а не подлизуюсь... Ни за что! Ни за что! И не прошу, что взяли с собой Зойку, которая меня маяла целый час. Эх, вы!»

— Вовка! Айда! Все готово! — крикнул Мишка.

Я обернулся, хотел встать и подойти к ним, но вместо этого почему-то огрызнулся:

— Обойдемся... не нуждаемся... не такие... — Я даже рот раскрыл от удивления и подумал про себя: «Вот дурак-то, ну и дурак!» — как будто огрызнулся не я, а кто-то другой.

— Не хоэт... не адо... упрашивать не буэм... — сказал Борька, уже набивший полный рот.

А я все ел целыми пригоршнями бруснику и не смотрел в сторону ребят. Они сначала молчали, потом разговорились.

— Значит, я две премии получу? — спросил Борька, сыто икнув.

— Когда кончим искать, — неохотно ответил Мишка.

— Все равно не найдете гриба красивее моего и больше меня не соберете. — Борька противно заржал.

— Хвальба! Вот возьмем и найдем... Или Вовка найдет! — заверещала Зойка, опять ко мне подлизываясь.

— А какая премия будет? — спросил Борька. — Стоящая? А может быть, денежная?

— Высшая на свете, — сказал Мишка. — Деньги чепуха по сравнению с ней. За нее борются и летчики, и рыбаки, и боксеры, и артисты...

Зойка радостно ойкнула. Борька вздохнул:

— Ладно. Увидим эту премию. А грибы я на рынке продам. Сушеные. Рубль за нитку.

Мишка сказал:

— Скучный ты тип... А гриб твой правда красивый.

Я сразу обернулся, чтобы взглянуть на самый красивый гриб, а Зойка, привстав на коленки, добродушно протянула мне полбатона.

И колбаса в нем краснела, чайная, наверно, и масло блеснуло, и у меня потекли слюнки! Только я сказал:

— Пошли дальше! Расселись, как... эти...

Мы снова побрели по лесу неподалеку друг от друга. Борька уже не прятался. Он набрал почти полную корзину грибов и, находя белый, выбрасывал подосиновики и моховики.

Мишка по-прежнему срезал какие-то сучки и отдирал твердую плесень с березовых пней, а Зойка кланялась грибам и улыбалась.

У меня от брусники заболел язык, и хотелось пить. Тогда я нашел огромный рыжик. В его огненной шляпке-воронке накопилось много росы, а может, вчерашних дождинок. Я срезал рыжик под самый корень и выпил всю эту холодную мягкую воду, как из золотого ковшика. И еще два нашел и выпил.

Грибов было много, но самый красивый все-таки не попался. А он мне нужен был больше всего на свете! Больше Зойкиного полбатона и рыжиковой воды! Только бы его найти!

Я бы им всем доказал, кто лучше ищет грибы... я бы им показал, как девчонку вместо меня брать в лес. Все-таки я злился на себя, что не выдержал и пошел за ребятами. Тут ко мне подскочил Борька:

— Помоги нести корзину за десять белых...

Я молчал.

— Ну, за пятнадцать...

Тогда я заорал:

— Не подкупишь! Не такой я человек!

Борька, чуть не выпустив из рук корзины, шарахнулся в сторону.

Я снова начал колдовать: «Плохой лес... никогда сюда не приду... Ух, какой плохой лес...»

— Ну, как дела? — Ко мне подошел Мишка и заглянул в коробку. — Ничего. Но победит, конечно, Борька. А жаль... Пошли обратно. Поздно уже.

Широкая корзина Мишки была полным-полна всякой коры и сучков, а за плечами у него висел маленький пенек с колючими отполированными корешками.

— Пошли, — сказал я, и мы двинулись в обратную сторону.

Зойка шла за нами следом, а Борька пыхтел над корзиной и нудил:

— Отдавайте мне премию. Домой же идем...

— Вот выйдем из леса, тогда и получишь, — сказал Мишка.

Меня подташнивало от голода. Я думал: «Скорей бы деревня, там щи стоят в печке... и хлеб теплый... и съем-м! А потом молоко из погреба... и киселя с бубликом... и еще щей налью...»

Мы шли долго-долго, но все почему-то не выходили к широкой просеке. Тогда мы свернули круто вправо, прошли километра четыре, но тоже не вышли к ней и поняли, что заблудились.

Зойка всхлипнула, Мишка стал определять, где север и юг, а Борька сказал:

— Вот и хорошо. Отдохну и всю корзину донесу.

Он отошел в сторону, за кусты. Я наблюдал за ним. Он отошел как будто по одному делу, а сам вынул из-за пазухи кусище хлеба и луковицу и стал быстро глотать их большими кусками. Потом он вышел из-за кустов как ни в чем не бывало. Мне даже противно было смотреть на него, не то что спорить и ругать его. И вдруг меня осенило:

— Спички! — закричал я. — Спички есть?

Мишка порылся в карманах.

— Нэ... я печку утром растопляла... — еле слышно сказала Зойка.

Я вырвал коробок у нее из рук:

— Грибы будем жарить. Дров давайте. Встали как... эти...

Костер мы разложили под большой елью почти на краю оврага. Было темно в лесу, но не страшно.

— За меня не беспокоятся, — сказала Зойка, — мы уже третий раз до утра блуждаем.

Я нанизал на обструганную веточку шляпки боровиков, ио держал их не над огнем, а над угольками уже сгоревшего хвороста.

Мишка и Зойка тоже жарили шляпки. Борька рассматривал Мишкины находки.

— Зачем тебе это барахло вместо грибов?

— Пригодится, — сказал Мишка. — Вон из той ветки боярка я сделаю фигурку «злюка». — Борька ехидно покосился в мою сторону. — А из пенька со щупальцами выйдет скульптура «жадина». Понял? Из коры с веткой «альпинист» получится. Вот зачем.

Борька надулся. Зойка стиснув руками колени, смотрела на угольки. Мои грибы сморщились, стали совсем маленькими и немного подгорели. Я стаскивал их прямо с ветки зубами и ел, и это было очень вкусно.

И только я хотел еще зажарить грибов, как пошел дождь. Костер зашипел, запарил и стал гаснуть. Мишка, Зойка и Борька перебрались под большую ель и прижались друг к другу, а я сел за стволом с другой стороны.

— Давайте спать, чтобы не бояться, — сказала Зойка.

Она разгребла руками грибы в лукошке, достала с доньшика полбатона и пододвинула лукошко поближе ко мне.

«Не дожدهшься... ни за что не съем... не такой я человек...» — думал я, покраснев и сглотнув слюнки. Я ерзал на своем месте и чуть не плакал, оттого что я такой злюка, а

Зойка такая добрая со своим полбатонном, и мне надоело злиться на нее из-за «чижика», не все же мне выигрывать...

Дождь все лил и лил, но капли сквозь ветви не падали.

Я боролся с полбатонном изо всех сил, а потом дотянулся до него и стал есть. Я бы его съел незаметно для себя, если бы не посмотрел в этот момент на Зойку и не подумал, что еды ведь у нас больше нет, а Зойка проснется голодная... Когда это мы еще доберемся до дому.

Но все-таки я отъел от него половину, остальное осторожно положил обратно в Зойкино лукошко.

Потом я подобрал с земли мокрые крошки хлеба, и мне захотелось спать. Сначала я присел рядом с Борькой. Так было теплее. Он и во сне не выпускал из рук самый красивый гриб. Глаза у Борьки были слегка раскрыты, будто он сторожил свою корзину. Мне стало противно, и я сел рядом с Зойкой.

Она никак не могла удобно устроиться и все перекалывала голову с одной коленки на другую. Потом Зойка сложила на груди руки крест-накрест и прижалась ко мне. Я улыбнулся и подумал: «Хм... вот дуреха...»

Ее кудряшки щекотали мое ухо, но я даже дышать старался осторожно, чтобы не разбудить Зойку. Мне почему-то было ее жалко. И еще было жалко, что идет дождь и нельзя посмотреть, как грибы пробивают размокшую корочку земли...

Когда я проснулся, уже начинало светать. Я побежал на пригорок и залез на высоченную сосну, чтобы заметить, откуда покажется солнце. Я вспомнил, что оно выходило по утрам из-за колхозной бани. И, как только слева от меня показался его красный гребешок, я слез с сосны и растолкал Мишку, Зойку и Борьку.

— Пошли, я выведу. Разоспались...

Мы, позевывая и зябко поеживаясь, побрели к солнцу и немного погодя вышли к просеке.

Ее, как сцену, уже заливали сотни солнечных прожекторов. А в прожекторах порхали белые бабочки.

Дождь все лил и лил, но капли сквозь ветви не падали.

— Воображают, как девчонки, — заметил я вслух.

Зойка тут же сказала:

— Смотри! Вон жук летит!

Здоровенный жук летел мимо нас по прямой и вдруг — бац! — с разгона стукнулся лбом о дерево.

— Как мальчишка! — засмеялась Зойка.

Я раздул ноздри и приготовил кулаки, но она не намекнула мне про полбатона и не съехидничала.

И тогда я, ни на кого больше не злясь, всюю разговорился с умным Мишкой. Мы вместе решали, почему у ящериц отрастают хвосты, а у бульдогов нет.

Борька еле тащил свою корзину и то и дело нудил:

— Когда же премия? Две давайте мне премии.

Я совсем не думал о самом красивом грибе и вдруг в сторонке среди кустиков костяники увидел огромную бурую шляпку боровика. Я развел руки, как будто ловил голубя, и не дыша, на цыпочках пошел прямо на гриб.

Но он и не думал бежать, и я встал на коленки перед этим огромным и добрым грибом. На его шляпке, свернувшись в клубочек, как кошка на крыше, лежала улитка и ползали мурашки. Я подумал, что такой большой гриб, наверно, должен быть гнилым, и заглянул под шляпку. Она была ровная, светло-желтая и вся в капельках влаги. И пахло от нее, как от полной тарелки грибного супа.

Ни разу в жизни я не видел такого красивого гриба и все смотрел на его крепкую ножку, уютно стоявшую на зеленом коврикe мха, и на запотевшую шляпку, немного приподнятую кверху, как будто гриб, озябнув за ночь, смотрел на солнце. И я подумал: «Вот она — первая премия!»

Я вынул ножик, но увидел Зойку. Она шла, не замечая меня. Тогда я отошел в сторону и притворился, что ищу костянику.

Зойка чуть не споткнулась о гриб и ахнула и тоже встала перед ним на коленки.

— Вовка!.. Вовка!.. Гриб!..

Я подошел, посмотрел с удовольствием на гриб и сказал, пожав плечами:

— Ну, и что? Ну, гриб...

Мишка и Борька подбежали к нам и тоже стали перед грибом на коленки.

— Давай Зойке премию! — сказал я Мишке.

— И мне... — скрипнул зубами Борька.

— Премия за самый красивый гриб, — объявил Мишка, — присуждается Зойке. А за количество Борьке.

— Давай! — Борька подставил руки.

— И Зойка и Борька получают высшую на свете премию — Радость Победителя!

Зойка захопала в ладоши, а у Борьки опустились руки. Он закричал:

— Не надо мне радость!.. Я хочу... премию!.. Настоящую! В руки! Надули!

Зато я, как никогда, почувствовал радость победителя и хотел срезать гриб и отдать Зойке, но она оттолкнула меня.

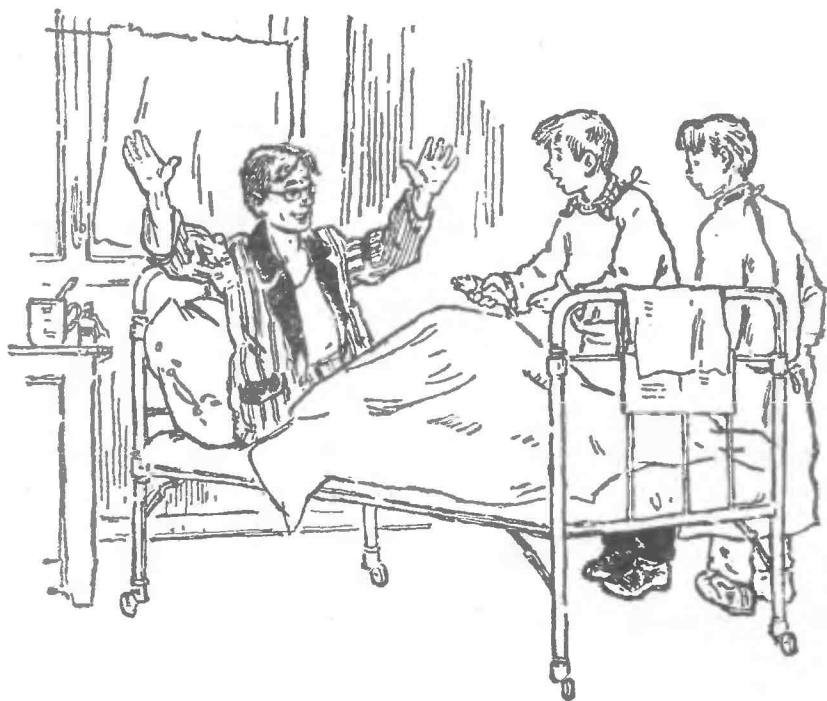
— Не надо... Жалко.. Пусть растет до конца.

— Подумаешь... пусть... — сказал я. — Пойдем...

И мы пошли дальше, но еще не раз оборачивались и смотрели на самый красивый гриб.

Потом просека кончилась, запахло дымком, и я засмеялся, услышав звонко-золотистое «кукареку!» и злобное квохтанье. Это тужился хулиган Гусар, а кукарекал Артист — славный петух моей бабушки.

Вобла

В начале лета мой отец купил в рыбном магазине пять килограммов воблы. Он нанизал ее на шпагат и повесил связку за буфетом на гвоздик.

По утрам он брал с собой на работу три воблы и по одной скрепя сердце выдавал мне и маме. Мама никак не могла понять: почему это все мужчины с ума посходили от воблы?

— Это королевский деликатес! — говорил мой отец.

Вчера, пообедав, я вышел во двор с очищенной воблой. Я, как всегда, сначала разобрал на части голову, потом обсосал плавники и каждую косточку, а икру оставил напоследок.

Потом я принялся за самую вкусную часть воблы: за спинку. Она, как янтарь, просвечивала на солнце, и я долго держал кусочки во рту и думал: «Правда, ничего нет вкусней на свете. Куда там всяким грушам, наполеону, харчо и ржаным сухарикам с солью!»

Я старался подольше растянуть удовольствие, но от воблы, как всегда, неожиданно остался только маленький хвостик. Я обрадовался, подумав, что завтра утром снова получу воблу, и пошел к Петьке.

Петька одевал на красную лапку сизого голубя дюралевое колечко. Потом он выпустил голубя с балкона, посмотрел на меня в упор и спросил:

— Ел воблу?

— А ты видел?

— Чешуя у тебя на носу, — сказал Петька. — Не мог оставить. Жадный ты на воблу.

— Все на воблу жадные, — сказал я, но дал Петьке немножко икры.

Он положил ее за щеку.

— Знаешь, я уже два дня думаю, куда девался Тим Тимыч.

— И я его давно не видел. Не дали же ему пятнадцать суток.

— Не тот человек, — сказал Петька. — В квартире у него никого нет. Я вчера ходил. Пойдем еще зайдем. Может, бабушка из деревни приехала.

Мы поднялись на седьмой этаж. Тим Тимыч жил с Петькой в одном подъезде. Ему было больше пятидесяти лет, а он дружил с нами, как с товарищами, давал читать «Технику — молодежи», помогая решать задачки и записывал наши голоса на «магнит». Работал Тим Тимыч конструктором. Жены и детей у него не было.

Петька позвонил два раза. Мы услышали шарканье шлепанцев.

— Вот! Сейчас узнаем! — обрадовался Петька.

— Кто? — Это к двери подошла бабушка, соседка Тим Тимыча.

— Мы. Я и Вовка. А куда уехал Тим Тимыч?

Бабушка приоткрыла дверь.

— Не уехал он. В больницу слег. С давлением. Я звонила. Говорят, не ест ничего. Все думает и грустный. Холостячая его жизнь. Может, поправится. — Бабушка, заохав, закрыла дверь.

Мы с Петькой сели на ступеньки и задумались. У меня как-то тяжело-тяжело стало на сердце.

— Что же он? — сказал Петька. — Мы же друзья. Мог бы сказать перед уходом. Сообразили бы чего-нибудь. Скучно там лежать. По себе знаю.

— Давай сходим, и все, — предложил я.

— «Сходим, и все!» Надо же передачу нести, а денег нет... Мне мороженое носили, когда я с гландами лежал.

— Вот и отнесем чего-нибудь вкусенького. Пошли, — сказал я, поднимаясь со ступенек.

— Чего вкусенького? У него аппетита нет. Винегрет? Или мясо из борща? Может, киселя черносмородинового?

Мы спускались вниз, соображая чего бы такого вкусенького отнести Тим Тимычу.

— Вот ты, — сказал Петька, — если бы ты заболел, какую бы ты захотел получить от меня передачу?

Я, не задумываясь, воскликнул:

— Воблу! Больше ничего!

— И я воблу! — сказал Петька. — Мужчине в больнице только вобла нужна! — Он тут же приуныл. — А пиво? Они же все воблу пивом запивают... Денег нет на пиво...

— А вобла у тебя есть? — спросил я.

— Заперта от меня вобла. Вот уже целых два дня, а в моем теле соли мало...

— От меня ничего не запирают, — похвалился я. — Толь-

ко если возьму воблу без спроса, меня ожидает самая страшная кара.

Петька стал меня уговаривать:

— Мы же не сами ее съедим. Человеку же отнесем. И какая может быть самая страшная кара?.. А?

Я не решался.

Петька не отставал:

— Возьми. Не трусь. А я, была не была, сдам молочные бутылки, и купим пиво. Человек же дороже воблы и молочных бутылок! Ну?

Я больше не мог раздумывать, потому что не меньше Петьки любил Тим Тимыча.

Мы пошли ко мне домой. Я снял с гвоздика связку воблы. На шпагате оставалось еще штук двадцать серебристых, с раздутыми от икры боками рыбешек. Я выбрал три самые большие.

— Семь бед — один ответ, — сказал Петька, намекая еще на парочку вобл.

Я снял две воблы поменьше. Петька закланчил:

— И мне дай... одну... в долг до завтра... У меня соли мало в теле...

— Пошли! — крикнул я. — И так попадет! Она у отца на вес золота!

Петька надулся. Мы пошли к нему за молочными бутылками. Он взял в кухне пять бутылок, положил их в нейлоновую авоську и сказал:

— Теперь бутылки будут запирать...

Мы сдали их, купили в «Гастрономе» пиво и пошли в больницу. Она находилась недалеко от нашего дома.

В приемном покое мы прочитали список продуктов, которые разрешалось передавать больным. Вобла и пиво не были там указаны. Поэтому я переложил воблу из авоськи в карманы. Петька быстро заткнул бутылки с пивом за пояс, ахнул, встал на цыпочки и глупо заулыбался, как будто входил в ле-

дяную воду. Ведь бутылки были очень холодными, а он их сразу прижал к животу.

Потом мы долго просили сестру пустить нас к Тим Тимычу в неположенное время. Сестра наконец позвонила врачу, спросила, пускать или не пускать, заворчала и выдала два белых халата. Мы, путаясь в них, поднялись по лестнице на третий этаж. Я приоткрыл дверь и заглянул в восьмую палату.

Тим Тимыч лежал у самого окна и смотрел в потолок, согнув колени и закинув руки за голову. Он похудел и побледнел, и лицо его показалось мне грустным-грустным. Петька толкнул меня сзади. Я вошел в палату и тихо сказал:

— Тим Тимыч...

И Петька из-за моего плеча позвал:

— Тим Тимыч...

Тим Тимыч приподнялся и удивленно посмотрел на нас. Потом он, наверно, поверил до конца, что это действительно я и Петька стоим в дверях, улыбнулся и закричал:

— Мой великий друг Вовка! Мой великий друг Петька! О! Мои дорогие оболтусы. Сюда! Сюда!

Мы подбежали к кровати и долго трясли руки Тим Тимыча. Петька левую, а я правую. Мы неожиданно застеснялись, не знали, что сказать, и вдруг Петька снова ахнул, нагнулся и выгасил из штанины бутылку пива.

— Вот, Тим Тимыч... Пивко... Чуть не разбилось... — Из-за пояса он вытащил вторую бутылку, а я достал из карманов воблу.

Тим Тимыч посмотрел на пиво и воблу, часто заморгал, закрыл глаза, потом открыл и прошептал:

— Не может быть! Это — сказка! Ущипните меня!

Мы не стали его щипать, потому что он сам в одно мгновение очистил воблу и, нюхая ее, мычал от удовольствия. Он как-то сразу раздумяился, достал эмалированную кружку, открыл вилкой бутылку и мелкими глотками, закрыв глаза, стал пить пиво.

— О! — сказал он, закусывая икрой. — Я здоров. Просто захандрил немного. И аппетит у меня львиный. Скорей бы обед!

Мы с Петькой засмеялись от радости за Тим Тимыча.

— Но-но, Тим Тимыч! — вдруг сказал сосед по палате, бородатый старикан. — Не очень-то нажимай на воблу. Не забывайся, не манная каша.

— За кого меня здесь принимают? — весело спросил нас Тим Тимыч. — Это я-то жадина! Дать ему воблу и кружку пива. Вторую бутылку — на вечер.

Мы отнесли старикану воблу и пиво.

— Может, ему нельзя... и вам тоже... — сказал Петька.

— Немножко можно, — успокоил его Тим Тимыч. — Нет, мои великие друзья, я понял, что я здоров. Пора выписываться. Хватит!

— Больные, потише, — сказала нянечка, заглянув в палату. — Лишу свидания.

Мы присели на кровать.

— Вы тоже поешьте воблы, — шепотом предложил нам Тим Тимыч.

У меня потекли слюнки, еще секунда, и я протянул бы руку и взял бы кусочек воблы, но я небрежно сказал:

— Смотреть на нее не могу...

А Петька гордо соврал:

— У нас она дома прямо на столе валяется... Ешь — не хочу.

— Правда? — спросил Тим Тимыч, о чем-то подумав. — Что человеку надо? Побольше дружбы...

— И воблы... — сказал Петька.

— И чтобы старуха не ворчала, — добавил бородатый старикан.

— И чтобы вы были здоровы, — пожелал я.

— И чтобы все мы поехали на рыбалку, — помечтал Петька.

— И чтобы контрольные были полегче, — заключил я.

Тим Тимыч одел халат и заходил из угла в угол. Потом он сказал:

— Слушайте! Маяковский, — и прочитал наизусть стихи про то, как упала на Кузнецком мосту лошадь и людям не было ее жалко, а она лежала, бедняга, и смотрела на толпу большим и печальным глазом. И про то, как поэт помог ей встать и лошадь встала и пошла. Она была рада и думала: «Я еще жеребенок». И ей стоило жить и работать стоило.

У меня мурашки пробежали по коже от этих стихов.

— Мои великие друзья! — сказал Тим Тимыч. — Я здесь, пока лежал, решил одну техпроблемку. Вы отнесите записи ко мне на работу. Отдайте их главному инженеру... Это поможет ускорить проектирование установок. Я выпишусь через недельку. Надо же подремонтироваться...

Мы еще минут двадцать разговаривали, потом распрощались с Тим Тимычем, сказали, что придем через день с книжками, и спустились с лестницы, путаясь в белых халатах.

Мне захотелось есть, но Петька предложил сразу пойти и отдать записи.

Мы нашли нужный дом и зашли в конструкторское бюро. Вахтер не пустил нас к главному инженеру. Тогда мы попросили позвать его вниз и, пока он не приходил, от нечего делать читали в вестибюле стенгазету и моральный кодекс строителя коммунизма.

— Видишь, какие тут люди? — сказал Петька. — Каждый день читают: «Каждый за всех — все за одного». А сами? Тим Тимыч больной, в больнице для них какой-то важный вопрос решил, а они? Вот тебе и все за одного!

— Да... Не дожدهшься, когда они лошадь поднимут на мосту, — согласился я, и мы разошлись на сослуживцев Тим Тимыча.

Даже когда к нам подошел очень удивленный главный инженер, мы не поздоровались с ним, а сухо сказали:

— Тим Тимыч велел передать...

— Он ремонтируется...

Главный инженер быстро просмотрел записи и сказал:

— Прекрасно! Да, да. Талантливейшее решение. — Потом смутился и спросил: — Э... Как его здоровье?.. Наш местком... Возможно, что-нибудь... — Но тут он достал папиросу и закурил.

Петька дернул меня за руку, и мы вышли на улицу.

Я стал думать о вобле, взятой без спроса, а Петька, наверно, про молочные бутылки. Потом мы разошлись по своим подъездам.

Мой отец уже пришел с работы. Он читал газету и даже не взглянул на меня. Лицо у него было мрачное и обиженное. На моей кровати лежала записка. Поссорившись, мы всегда писали друг другу записки, до тех пор пока не помиримся. Записка была коротенькой:

Вобла отныне заперта. Не ожидал. Папа.

Я написал на обороте:

Честное слово, отнес в больницу Тим Тимычу. Вова.

Мой отец прочитал ответ, но все равно не стал со мной разговаривать. Он не умел, как я, быстро забывать всякие обиды...

Утром мне захотелось проверить, что у меня за товарищ Петька и как он отнесется ко мне, больному. Я позвонил ему по телефону и сказал слабым голосом:

— Это ты? Это я... Ох... я лежу больной-больной... Только не заразно... Совсем ноги подгибаются... Пришел бы... Вкусенького хочется...

Петька тоже застонал в трубку:

— Ох... и я слег... всю ночь потел... Ничего не ем... аппетит

пропал. Соли во мне мало... воблочки бы... я бы сразу... ох... как лошадь поднялся...

«Ну и хитрый!» — подумал я и, стараясь не засмеяться, сказал здоровым голосом:

— Воблу от меня заперли! Понял?

Петька долго молчал, потом ответил унылым, но тоже здоровым голосом:

— Ну что ж... Ну ладно. Тогда пойдем в пинг-понг сыграем.

— Выходи! — сказал я и положил трубку.

Содержание

Два билета на электричку	3
Научное открытие	15
Петька — тайный корреспондент	24
Замерзшая рябинка	37
Ананас	48
Самый красивый гриб	56
Вобла	68

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать
по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для среднего возраста

Алешковский Иосиф Ефимович

ДВА БИЛЕТА НА ЭЛЕКТРИЧКУ

Рассказы

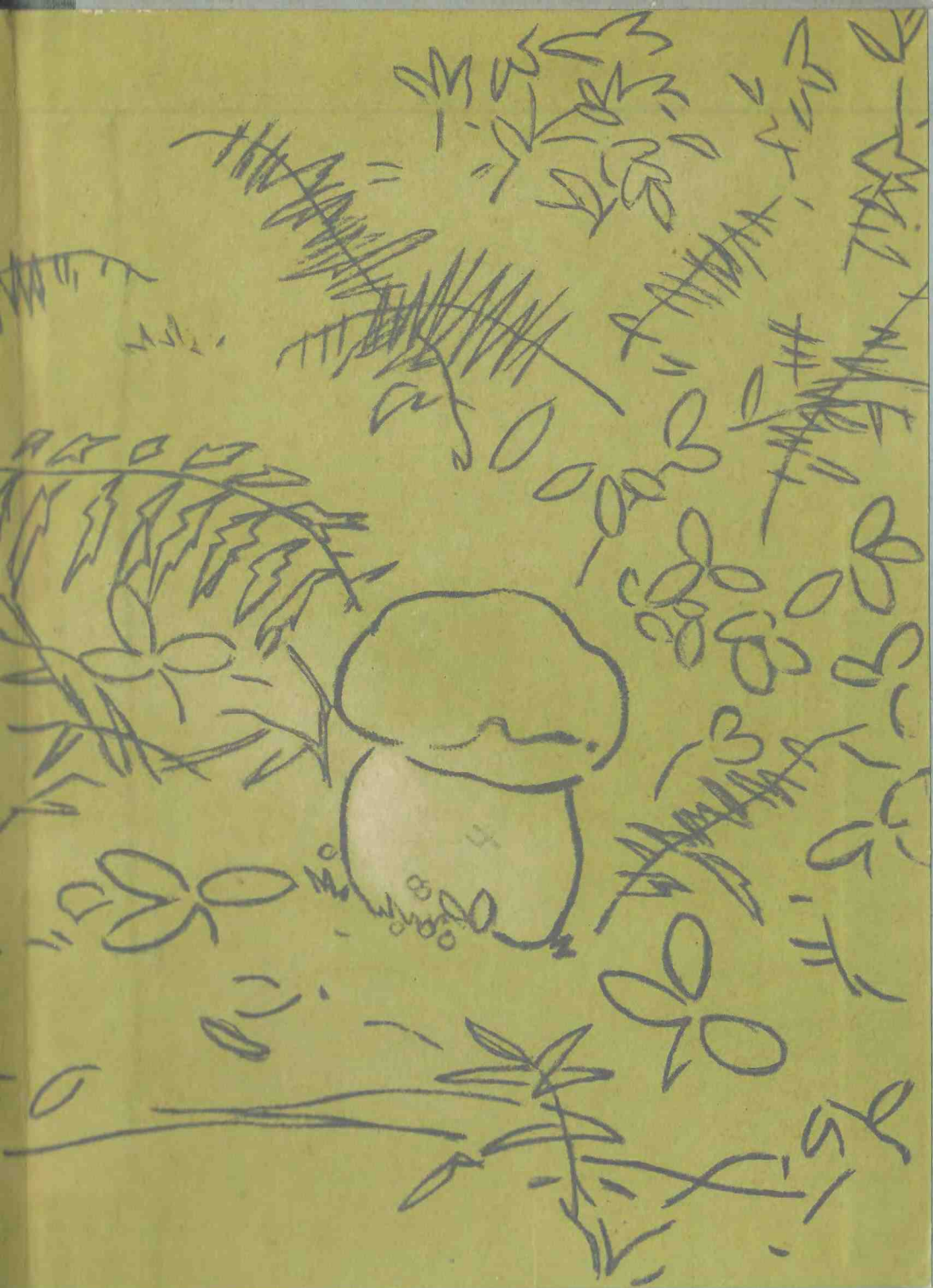
Ответственный редактор *Н. С. Абрамова*.
Художественный редактор *А. В. Пацина*. Тех-
нический редактор *И. П. Данилова*. Коррек-
торы *Л. И. Гусева* и *Г. В. Русакова*.

Сдано в набор 4/VII 1964 г. Подписано к печа-
ти 5/X 1964 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 5.
Усл. печ. л. 4,56. Уч.-изд. л. 3,36. Тираж
100 000 экз. А08640 ТП 1964 № 328. Цена 20 коп.
Издательство «Детская литература».

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по печати. Москва, Суще-
ский вал, 49. Заказ № 890.

Цена 20 коп.

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB